

ЛЮБОВНОЕ ФЭНТЕЗИ
ЕКАТЕРИНА ОЛЕНЕВА

ПЯКОВАЯ ДАМА

16+

Екатерина Оленева

Пиковая дама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40694017

SelfPub; 2019

Аннотация

Три девицы вечером решили вызвать Пиковую даму. Кто ж знал что из этого получится то, что получилось? Теперь Алина Соколова попала в тело неведомой Эммы, ученицы Магического Института – волшебницы, аристократки-красавицы и просто злодейки. Жизнь Эммы полна событиями, приключениями, любовниками и врагами. А Алине поневоле придётся с ней всё это разделить.

Содержание

ГЛАВА 1. Не трогай зеркала!	4
ГЛАВА 2. В новом теле новый дух	18
ГЛАВА 3. Семейная идиллия	28
ГЛАВА 4. Магический тест	47
ГЛАВА 5. Ночной гость	61
ГЛАВА 6. Шантаж	80
ГЛАВА 7. Помолвка	98
ГЛАВА 8. Магический Институт	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

ГЛАВА 1. Не трогай зеркала!

Я словно кружилась на карусели с закрытыми глазами. Противно. Мутит так сильно, что боишься, как бы не стошнило. Сил кружиться нет, а вращение всё продолжается.

Открыть глаза? Веки свинцом налились – не поднимаются. И как только меня угораздило попасть на эту карусель? И почему я катаюсь лёжа?

Что происходит?!

Каскад ледяной воды обрушился как из ведра. Как-то сразу полегчало. Дурнота прошла, зато стало чертовски холодно. И мокро. Отфыркиваясь и отплёвываясь, я села в луже воды.

Села и застыла, широко открытыми глазами глядя на двух испуганных девушек, в таком же немом недоумении разглядывающих меня.

Обе – прехорошенькие. Одна блондинка, другая рыженькая.

Одеты странно. В какие-то старинные костюмы.

– Что за?.. – окончание фразы само собой увяло на губах. – Вы – кто?

Девушки переглянулись.

Казалось, их испуг нарастает пропорционально моему.

– Я же говорила! Не стоило этого делать!

Голос блондинки звучал одновременно встревоженно и зло:

– Говорила же? Я с самого начала предрекала, что так оно и будет: что-то пойдёт не так. И вот, пожалуйста!

Да уж, пожалуйста!

Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, верните меня кто-нибудь домой!

Ущипните! Растолкайте! Разбудите!

– А что, собственно, пошло не так? Как я сюда попала? Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

Девушки снова переглянулись.

Рыженькая сделала шаг вперёд, но как-то не слишком уверенно, словно нехотя.

– Ты кто? – спросила она. – Как тебя зовут?

– Алина.

Блондинка испуганно ойкнула, зажав рот ладошкой и села на пуфик в стиле а-ля мадам Помпадур.

– Доигрались! – только и выдохнула она. – Что же теперь будет? Эвелин? – обратилась она к рыжей. – Что нам делать?

В это самое мгновение я оглушительно чихнула и решила, что для начала неплохо было бы выбраться из ледяной лужи.

– Сначала Эмме... ну, или тому, кто сейчас выступает в теле Эммы нужно переодеться, – уверено заявила рыженькая.

Мой мозг, кое-как справившись с последствиями шока, начал потихоньку работать.

Комната, где мы находились, вызвала оторопь.

Будто я попала на съёмки какого-то фильма, в пави-

льон, тщательно реконструированный под викторианскую Англию.

Большая, просторная, квадратная, с французскими полукруглыми арочными окнами. Набита аксессуарами до потери художественного вкуса. При этом весь интерьер отличался монументальностью. Повсюду дерево.

Очень много дерева.

Мебель массивная, тяжёлая. Явно дорогая.

Заметив мой испуганный взгляд, мечущийся по комнате, девушки притихли.

– Эмма, – взяла меня за руку рыженькая, – иди за мной! Тебе нужно переодеться, иначе простынешь. Эльза? А ты ступай за мамой.

Блондинка кинула:

– Хочешь ей всё рассказать?

– Раз Эмма, наконец, доигралась и попала в неприятности, нам не удастся этого скрыть. Уж лучше признаться во всём и сразу. Может быть родители сумеют всё исправить?

Я покорно следовала за рыжей красоткой.

Поднявшись по лестнице, мы прошли по коридору и вошли в спальню с голубыми гобеленами и пышным балдахином над двуспальной кроватью.

Пока Эвелин помогала мне переодеваться, мы не обмолвились ни словом.

Я упорно пыталась пробиться сквозь волны беспамятства, охватившее сознание.

Самое странное, что я прекрасно помнила, кто я такая – Алина Орлова, неполных восемнадцати лет от роду. Родилась, выросла, проживаю в Воронеже, студентка второго курса Воронежской Академии искусств по специализации живопись.

Звёзд с неба не хватаю, но мне и без них неплохо.

Живу обычно, классическим способом: никому не докучаю, никого не осуждаю и наше вам почтение.

По гороскопу я – весы. Классические. То есть люблю порядок и справедливость во всём, нуждаюсь в уравновешенности и в гармонии.

У меня всегда было очень много приятелей. Не друзей, а именно приятелей. Людей, с которыми можно потрепаться за жизнь о том, о сём и ни о чём. Близко подпускать к себе людей я не люблю.

Не всё в моей жизни так уж безоблачно, как привыкли считать.

Например, мы не ладим с отчимом. Из-за этого у меня постоянные конфликты с матерью. Моя обида на неё растёт с каждым днем, потому что она предпочитает держать его сторону, а я в глубине души считаю это предательством.

А в общем я, Алина Орлова, существо тихое и спокойное, домашнее. В толпе предпочитаю держаться незаметно, не бросаться никому в глаза с первого, а иногда даже и со второго взгляда.

Пока кто-то смелый, там, на переднем плане, соответству-

ет чьим-то ожиданиям, я хожу и делаю то, что захочу.

Кому вообще интересно то, чем я занимаюсь?

Правда обычно я и не делаю ничего особенного. Из запрещённого позволяю себе только пирожинку. Из совсем уж запрещённого – пироженку на ночь.

Правда, в компании я о таком малом количестве тайных пороков в своем характере не признаюсь никому.

Чтобы никто не догадался о том, какая я на самом деле хорошая, я даже курила. Ага! А ещё пару раз коктейли из дешёвых алюминиевых банок пила. Всё исключительно в целях конспирации. Иначе в современном молодёжном обществе никак. Окрестят тургеневской девушкой или ещё как похуже, да так и привяжется, так и пойдёшь.

Ну вот вкратце и весь мой портрет.

Ничего особенного.

Но как я оказалась на чёрной карусели, занёсшей меня сюда? Я...

Я вспомнила!!!

Мы с девчонками поехали к Соньке на дачу. Было весело. Весь день носились, как сумасшедшие. Рядом лес, озеро. За весь день до чудес техники ноги так и не дошли – ни сотовый, ни телевизор, ни ноут ни разу не понадобились.

А вечером потянуло на страшные истории. Атмосфера располагала. Природа, тишина, звезды, как алмазы – целая россыпь, горохом разбросанная по небу.

Красота! В городе такое даже не снилось.

В общем, решили пощекотать себе нервы. Вызвать Пиковую даму.

Закрылись в комнате. Достали свечи.

Поставили на пол большое, в рост человеческий, зеркало. Потушили свет. Зажгли свечу. Нарисовали алой помадой лестницу и дверь, откуда к нам черная дама должна была явиться.

Взялись все втроём за руки (я, Сонька и Дашка) и произнесли три рада: «Пиковая дама, приди!»

То, что произошло дальше, я помню смутно. Как сквозь воду.

Или, вернее, как сквозь сон.

Зеркало дрогнуло. Свечу задуло резким ветром, влетевшим во внезапно распахнувшееся окно.

Сонька бросилась к окну – закрывать, а я – к зеркалу, стереть лестницу.

Но, стоило коснуться рукой прохладной зеркальной поверхности, оно стало мягким, как пластилин, поддалось и я полетела вперёд, проваливаясь во что-то чёрное и липкое.

Знаю, звучит бредово, но меня будто засосало внутрь.

Очень страшно.

Со всех сторон – одни стены. Как будто замуровали живо.

От ужаса я потеряла сознание.

А очнулась в викторианской гостиной.

Вместо Дашки и Соньки рядом были эти две красавицы –

блондинка и рыжая.

– Значит, ты – Алина?

Взгляд у рыжей, кажется, если память мне не изменяет, Эвелин, был недружелюбный, колючий, настоженный.

Я удрученно кивнула:

– Вот дела!

Она сжала виски пальцами, словно внезапно разболелась голова.

– Что же теперь дальше-то будет?

Меня этот вопрос тоже интересовал.

Очень.

В комнату впорхнула блондинка Эльза:

– Ну что? – спросила она.

– Это не Эмма, – прозвучало в ответ.

– Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?! – внесла свою лепту в их беседу я. – Я ничего не понимаю.

– Мы сами в замешательстве. И ни в чём не уверены, – поведала Эльза. – Произошло чудовищное недоразумение.

Это я поняла.

Дело за малым – уяснить, какое именно.

– Обмен душами, – хмурясь, поведала Эвелин. – Твоя душа попала в тело нашей сестры. А её (мы очень на это надемся) в твоё.

Не буду спрашивать: «Как такое возможно?».

Драматичное заламывание рук и горячие слёзы тоже опу-

СТИМ.

Перейдём к самому главному:

– Как всё исправить?

– Не знаем, – вздохнула Эльза, разведя руками. – Возможно, что и никак. Видишь ли, обряд должен привести совсем к другому эффекту.

– Ты рассказала маме? – поинтересовалась её сестрица.

Эльза кивнула.

– Как она восприняла?

– Её чуть удар не хватил.

– Нужно было хотя бы как-то подготовить её.

– Не было времени.

Я пыталась представить, что эти люди могли чувствовать по отношению к самозванке, занявшей тело их сестры? Вряд ли симпатию.

С другой стороны, это не я начала непонятные обряды.

И, если что, я тоже не в восторге.

Дверь широко распахнулась. На пороге возникла очень красивая дама средних лет. Как и Эльза, она была блондинкой.

– Эмма, дитя моё! – протянула она ко мне руки, раскрывая объятия, чем привела меня в полное замешательство. – Что случилось? Твои глупые сестры наговорили мне всякие ужасы. Но кто поверит, чтобы моя талантливая умная девочка может совершить такую роковую ошибку?

Фырканье, раздавшееся за спиной, дало понять, что сёст-

ры явно не разделяли мнение матери о способностях Эммы. И судя по тому, через что мы сейчас проходили, были в своём мнении правы.

– Не хочу вас разочаровывать, но, судя по всему, всё-таки совершила. Потому что я – не Эмма. Я вижу вас в первый раз. Как и ваших очаровательных дочек.

Какое-то время женщина пристально вглядывалась в моё лицо.

Потом, схватившись рукой за сердце, тяжело опустилась на кровать.

Эльза поспешила к матери, протягивая ей красивый флакончик. От него даже за несколько шагов шибало запахом лаванды, лимона и бергамота.

– Ваша нюхательная соль, тамап.

Вдохнув несколько раз резкий запах ароматического состава, дама потрясённо выдохнула:

– Быть не может! Этого просто не может быть!

Я была с ней согласна на всё сто.

Но факта это не отменяло – я не Эмма. Я Алина Орлова в теле Эммы... не знаю уж, как там её фамилия.

Я стояла, опустив очи долу, скромно сложив на животе руки. Так, по моему смутному представлению, должны были вести себя благовоспитанные девицы в девятнадцатом веке.

Почему в девятнадцатом? Потому что костюмы окружающих дам наводили на мысль именно об этом отрезке времени.

Чем дальше я продвигалась по дороге осознания того, что всё это не сон и не бред, а какая-то страшная, сюрреалистическая реальность, тем страшнее мне становилось.

– Эльза, дитя моё, сходи за отцом, – наконец выдохнула убитая горем мать.

Эвелин с сомнением покачала головой:

– Права, тата, не знаю, стоит ли посвящать его в это?

– По-твоему, мы сумеем разобраться с этим без него? Да и как я посмею скрыть от вашего отца *такое*?!

Действительно, как?

Отцом Эммы оказался очень красивый мужчина. Воистину, родители этих девиц были потрясающей парой.

Красивый-то он красивый, да вот навряд ли добрый.

– Как это случилось?! – рявкнул он на своё семейство прямо с порога.

Мать и сёстры сжались, словно воробушки перед коршуном.

– Подойди! – велел он мне.

Я подошла.

– Посмотри мне в глаза.

Мне не оставалось ничего другого, как выполнить требование.

Как только он заглянул в мои глаза всё повторилось: комната, зеркало, свечи. Алая помада в моих руках. Ломанная черта в виде лестницы. Огромный пространственный пылесос, вытянувший меня из собственного тела и перебросив-

шийся сюда.

«*Пиковая дама, приходи!*»

– Она не лжёт, – вынес вердикт мужчина, отступая. – Это не наша дочь.

И, словно обессилив, сел на кровать, прислонившись лбом к столбику, поддерживающему балдахин.

– Но это... это... это катастрофа! – заломила руки мать семейства.

– Не убивайтесь так, матушка, – погладила её по плечу Эльза. – Мы всё исправим. Мы непременно найдём способ вернуть Эмму. Она же не умерла. Она же просто...

Блондинка стихла, не зная, какое слово подобрать.

Но ход её мыслей мне очень понравился.

Вернуться назад, в своё тело очень хотелось.

– Мы совершенно точно *попытаемся* всё исправить, – поддержала сестру Эвелин.

– На это нужно время. Мы должны понять, что за заклинание использовала Эмма, что конкретно пошло не так. Не факт, что заклинание вообще можно обратить... – обречённо проговорил отец семейства.

Мать при таком известии, как и положено матери, залилась слезами.

А я подумала о своей маме.

Сейчас эта самая Эмма находится рядом с Дашкой и с Сонькой. В моём мире ни в какие обряды не верят. Подружки уже наверняка решили, что я сошла с ума.

К такому же выводу придёт и мама.

Бедная мама.

И бедная я!

Господи Боже! Сделай так, чтобы меня к моему возвращению в психушку не упекли! Внуши этой самой Эмме не доказывать всем и каждому, что она – это не я!

В этом мире обмен телами вызвал шок, но воспринимался окружающими как нормальная реальность. Надо ли говорить, что в моём всё будет иначе?

– Моя девочка! Моя девочка! – жалобно причитала мать Эммы.

– Довольно! – поднялся с кровати отец, смерив жену суровым взглядом. – Твоя девочка достаточно сильна в магии для того, чтобы понимать, в какую авантюру ввязывается и на какой риск идёт. Ну? – обернулся отец к притихшим сёстрам. – Рассказывайте!

– Что же рассказывать, рара? – тряхнула головой Эльза. – Мы ничего не знаем.

– Никогда не поверю, чтобы вы, вертихвостки, были не в курсе. Сейчас совсем не то время, чтобы врать.

– Ты прекрасно знаешь, что Эмма не посвящала нас в свои интриги, – холодно блеснув зелёными глазами, сказала Эвелин.

– Посвящала или нет, вы всё равно подозревали, что она затевала.

– Она собиралась провести какой-то эксперимент с выхо-

дом души из тела, – неуверенно протянула Эльза. – Что-то вроде Живой Смерти.

Мать перестав на мгновение плакать, отняла платок от лица и в диком ужасе посмотрела сначала на дочь, потом на мужа.

Отец выглядел не менее потрясённым.

Так. Делаем вывод что идея Эммы была плохой идеей.

Отец достал платок и стёр выступившие на лбу бисеринки пота.

– Надеюсь, вы ничего не трогали в гостиной после проведения обряда? – инквизиторским тоном спросил он.

Все дружно замотали головой.

В том числе и я.

– Попытаюсь разобраться, попробую хоть что-то отследить. Но как вы могли пойти на такое?! Вы что? Не знаете, чем чревато нарушение запретов в нашем обществе? Мало того, что господь не дал мне сыновей, так у меня вместо дочерей безмозглые дуры.

– Андриан! – предупреждающе подняла руки его жена. – Как ты думаешь, сколько всё это займёт времени?

– С учётом того, что подобные заклинания под запретом и я не могу рассчитывать ни на кого, кроме себя самого – несколько месяцев. Как минимум.

Несколько месяцев?!

Мать снова зарыдала.

Я с трудом удерживалась, чтобы не последовать её приме-

ру.

– Но отец! – запричитала Эльза. – У Эммы помолка через неделю!

– И мы должны вернуться в Институт. Я ума не приложу, как всё уладится. Как мы объясним людям, что Эмма просто взяла и пропала?!

– Пропала? – криво ухмыльнулся отец семейства. – Вот она. Стоит прямо перед нами.

Все замолчали и поглядели на меня.

– Как тебя зовут? – спросил он меня.

– Алина.

– Отныне, Алина, ты Эмма Дарк. Моя старшая дочь. Пока я буду разбираться с последствиями вашей ворожбы, дурёхи, ваша задача сделать так, чтобы никто не усомнился в том, что Эмма – это Эмма. Вы меня поняли?

Мы дружно закивали.

ГЛАВА 2. В новом теле новый дух

У Дарков был большой дом в английском классическом стиле. В нём каждый уголок дышал викторианским чванством и викторианской же фундаментальностью.

У Эммы была собственная роскошная комната.

Если родительскую трешку разгородить, плюс немножечко добавить соседских метров, как раз по габаритам самое то и получится – нечто вроде стадиона с огромным камином.

Оставшись одна я первым делом подошла к зеркалу.

Интересно же, как я теперь выгляжу?

Новая внешность это ж гораздо круче нового платья!

Здесьние зеркала были размерами чуть поменьше, чем камин, но тоже впечатляли. После всего случившегося подойти к ним было боязно. Но, с другой стороны, не в ручье же придорожном себя разглядывать?

Эльза была блондинкой, Эвелин – рыжей. А я (то есть Эмма) оказалась жгучей брюнеткой в стиле Моники Беллуччи.

В реальной (то есть обычной, нормальной) жизни я, с позволения сказать, типовая русская девчушка-тинэйджер. Среднего роста, тощевато-угловата, с намёком на грудь и не особо выразительным пепельным цветом волос а-ля мышь.

Одевалась соответственно студенческому статусу: джинсы-свитера-кроссовки. Стиль унисекс, практичный, немаркий, в толпе маскирующий.

Наушники в уши задвинул и пошёл себе вперёд – не человек, а единица в толпе.

А как себя прикажите в таком шикарном теле носить? Да мне к себе такой ещё привыкать и привыкать надо!

Главное, не закончить, как печально известный Нарцисс, не сумевший оторвать взгляд от собственного отражения и из-за того безвременно почивший.

Бедняжка Эмма! Какого-то ей-то сейчас приходится в моём мало примечательном тельце?

А вот не надо было касячить с заклинаниями. Так и жила бы себе дальше, красавицей писанной, в огромной чудо-комнате.

И я как-нибудь свой век sereneй скоротала бы.

Нет, ну вот ведь бывает же? Ведь везёт же некоторым уродиться таким вот красавицами?

Как тут не сделаться завистливой?

Одна копна волос чего стоит! Да с такими волосами причёски ни к чему. Распустил и пошёл, сногшибательный на все сто.

– Любуешься собой?

Я поспешно отскочила от зеркала, будто меня застали за чем-то неприличным.

– Эвелин? Твоя сестра очень красивая. Ею сложно не любоваться.

Рыжая фыркнула, передёргивая плечами:

– Только представь, какого слышать такое? Не каждый

день твоя сестра говорит о себе в третьем лице.

– Вы тройняшки?

– Погодки. Эмма – старшая, я – средняя, Эльза – младшая.

– И сколько же мне лет?

– Девятнадцать.

Что ж? С этой Эммой мы почти ровесницы. Годом меньше, годом больше – не фатально.

Эвелин стояла и смотрела на меня как-то странно.

– Знаешь, что? – неожиданно сказала она. – А я рада, что ты теперь в теле Эммы. Так этой наглой стерве и надо.

Наткнувшись на мой изумлённый взгляд, она хихикнула:

– Открою тебе секрет: я ненавижу мою старшую сестру.

Вот тебе раз.

– Эмму многие ненавидят, – добавила Эвелин уже тише.

– Почему?

– Она жестокая и беспринципная. Настоящая психопатка.

Вот тебе два.

– В каком смысле – психопатка?

Я на всякий случай села, чтобы в случае, если ноги подкосятся от внезапных новостей, на пол не упасть.

– Эмме нравилось причинять людям боль. Любыми путями. Моральных ограничений она не признавала. Жила в полном убеждении, что боги мир создали для её личных нужд, всё вокруг лишь прах под её ногами, а земная ось вращается исключительно вокруг её восхитительной особы.

Вот тебе и три.

Как прикажете мне соответствовать такому образу?

Кто-то во Вселенной жёстко над нами с Эммой поглумился. Да мы же просто диаметрально-противоположные личности!

Я по сей день над каждой сдохшей птичкой рыдаю, хотя и втайне ото всех. Кошек во дворе зимой, рискуя огрести люлей от истовых блюстителей порядка, подкармливаю. Оленёнка Бемби вот до сих пор не поглядела, а Муму дочитывала исключительно под страхом двойки, с валерианкой в руке и ненавистью к Герасиму и Тургеневу в сердце.

Короче, на роль самовлюблённой садистки-психопатки хуже меня не найти. Что говорится, на сто процентов не моё.

Сердцем чувствую, миссию завалю.

– Я не такая, – вздохнула я.

– Вижу, – Эвелин одобряюще улыбнулась. – И мне это по душе. Но вот тебе будет очень сложно. В этом теле, – ткнула она пальцем мне в грудь, которая в этот раз у меня точно была, – жила самая настоящая злая ведьма. Злая даже для Дарков.

– Э-э... ведьма – это, я надеюсь, фигурально выражаясь?

Неа. Судя по взгляду Эвелин, совсем не фигурально.

– Вы тут говорили об обряде и колдовстве. В вашем мире действительно колдуют?

– Тебя это удивляет?

– В моём мире магии нет.

Эвелин рассмеялась.

– Представлю себе лицо Эммы, когда она проснётся в чужом теле, лишённом магии! Она всегда так презирала людей, лишенных Дара. Считала их чем-то вроде инвалидов. Вот пусть теперь попрыгает.

– Но от меня-то будут ожидать каких-то магических пассов! А я не умею!

– Предлагаю подумать об этом завтра. Придёт новый день, вот тогда и будем решать новые проблемы. Лично мне кажется, что сотворить из Алины Орловой Эмму Дарк будет непросто. Может быть, даже и не нужно. Этот мир ничего не потеряет без той Эммы, которая жила в тебе раньше, – подмигнула Эвелин.

– Спокойной ночи, – сказала она на прощание.

– Спокойной ночи, – кивнула я.

Как только я легла в большую постель, почувствовала себя безумно одинокой, всеми оставленной. И заплакала.

Да, я большая девочка.

Но я хочу к маме!

Я не сразу поняла, где нахожусь, проснувшись на следующее утро.

Потом вспомнила, кто я теперь такая и всё прояснилось. Ну, настолько, насколько это может проясниться в данной ситуации.

Вместе с вечерними сумерками рассеялись мрачные на-

строения. Меня охватило весёлое любопытство.

Я словно попала в книжку. Только с эффектом 3-D. И с полным погружением в предлагаемые обстоятельства.

Круче чем у Станиславского!

Неприятности начались с порога.

В этом мире не было удобных джинсов и нежно-любимых мною толстовок. Перед теми нарядами, что открылись моему неискушенному взору меня взяла лёгкая оторопь.

Кто сказал, что быть красавицей легко?

Вернись, мой крысиный хвостик! Я по тебе скучаю!

Ладно. Соберись, тряпка.

– Доброе утро, Эмма.

На пороге комнаты очень кстати возникла Эльза.

– Доброе, – кивнула я. – Распрекрасно, что ты здесь. Поможешь мне? Я в ваших нарядах пока не разбираюсь.

Эльза не стала тратить время на объяснения. Правильная девица.

Без лишних слов к делу, то есть к шкафу, подошла.

Про то, что корсеты – пыточное устройство, это в кинематографе не ввали. Действительно, гадость редкостная. Дышать больно, в рёбра впиваются, точно лезвие, при каждом вздохе.

Зачем такие муки? Чтобы нравиться мужчинам? Я вас умоляю! Заберите мужчин – верните джинсы.

Хвала небесам, хоть причёску делать мне не стали. Просто пригладили щёткой волосы и перехватили их атласной лен-

той. Лента всё время норовила соскользнуть с головы, точно с горки, и падала на лицо. В чём её смысл я не поняла, но спорить не стала.

Когда я вслед за Эльзой вошла в гостиную, семейство Дарков с постными лицами уже собралось вокруг стола.

Вдоль стен с не менее серьёзными физиономиями стояла прислуга, чья униформа напоминала мне школьную, маминых, то бишь, советских, времён.

– Мистер Томпсон, – обратился Адриан Дарк к дворецкому, как только мы с Эльзой присоединились к семейному кружку. – У меня для всех вас печальное известие. Оно не должно выйти за пределы этих стен. Вчера произошёл инцидент с госпожой Эммой, в результате которого она потеряла память.

Да? Со мной такое случилось?

А что? Отличная легенда! Потерявшая память, это всё равно что городская сумасшедшая. С такой взятки гладки. Потеряла память, это, вроде как, повредила умом, но не сильно. Ответственность нести за свои поступки может.

– Прошу с пониманием отнестись к ситуации, – закончил мистер Дарк. – А теперь – приступайте к своим обязанностям.

С этими словами он снял кольцо с полотняной салфетки и изящно положил его себе на колени, давая сигнал приступить к утренней трапезе.

Как живой встал передо мной кадр из фильма «Москва

слезам не верит», где героиня истерично кричала «Я рыбу не ем!».

Ну так перед ней была только рыба. А тут – куча еды.

И под каждый-то кусочек заготовлены отдельный прибор и тарелочка. Тут тебе и ложечка, тут тебе и вилочка. А ещё и чашечка.

Пока со всем разберёшься, помрешь, блин, с голоду.

«Соберитесь, Алина Сергеевна», – обратилась я к себе строгим голосом.

Всё равно больше сказать такое мне сейчас некому.

«Вы в высшем обществе. Видите, себя соответственно».

Косясь краем правого глаза на Эвелин, левым – на Эльзу, я брала те же кусочки что и они, примечая, каким именно столовым прибором.

Ну, а если что и не так – подумаешь? Я память потеряла? Потеряла. Что ж с беспамятной-то взять?

Лица у всех по-прежнему были траурные.

Ну, ладно. Люди почти дочь родную похоронили. Сочувствую.

Кто бы потом моей родной маме посочувствовал, когда я с дачи от подружек чокнутой злыдней приеду?

– После того, как поговоришь с матерью, Эмма, – приказал мне мистер Дарк, – зайдёшь ко мне.

Честно говоря, я бы ещё поела. Но вслед за хозяином дома все подскочили, как в попу ужаленные.

Этикет – страшная штука. Жить по этикету жутко неудоб-

но.

– Оставьте нас, – велела миссис Дарк дочерям. – Эмма, сядь.

Я села.

– Мы с мистером Дарком обсудили вчера наше положение. Оно не из лёгких. Моя дочь удивительно талантливая, подающая большие надежды молодая женщина. Что и говорить? Не каждый способен выдержать ту же планку, что и она. Говоря откровенно, не представляю, как вы с этим справитесь.

Лестное мнение. Ну, да ладно. Не буду обижаться.

– Вы должны быть на высоте. Потому что, когда мы вернём мою *настоящую* дочь, её жизнь не должна превратиться в руины.

Интересно, как там насчёт *моей* жизни? Во что её превратит эта, как выразилась её матушка «удивительно талантливая, подающая большие надежды» садистка-самоучка?

– Я сделаю всё, что в моих силах, – заверила я несчастную мать.

– Никто не должен узнать, что моя глупая девочка опустилась до использования такой магии. Ума не приложу, зачем ей это понадобилась, – промокнула она уголки глаз краем уже изрядно подмоченного платочка. – Вам предстоит очень постараться, дорогая.

Она повторяется. Я это уже слышала.

– На той неделе, в субботу, состоится ваша помолвка. У

жениха не должно возникнуть ни малейшего сомнения, что вы на самом деле не Эмма.

Помолвка?!

Жених?!

Ой... Боги Святы!

К такому жизнь меня не готовила!

ГЛАВА 3. Семейная идиллия

Мистер Дарк вручил длинный список того, с чем предстояло ознакомиться к ближайшей пятнице – день X, в который явится жених Эммы.

Три дня? И я должна была, по его словам, оказаться на высоте? Да какая там высота! Лицом бы в грязь не ударить.

Судя по списку, предстояло играть на рояле, танцевать вальс, вести светскую беседу. Ещё – верховая прогулка. Оказывается, Эмма обожает скакать галопам по лугам.

И она фехтовала. Фехтовала! Представляете? Честно слово, уж лучше бы боксировала.

Единственное, что немного роднило меня с предшественницей – мы обе не жаловали рукоделие. Предпочитали не вышивать крестиком, гладью или мулине, сойдясь на том, что это не наше призвание.

– Может быть проще придумать какую-нибудь историю чтобы перенести помолвку? – заикнулась я.

Мистер Дарк сразил меня безмолвным взглядом, говорящим без слов о моей глупости.

– Ступай, Эмма.

Первым делом я пошла искать Эвелин. Не знаю, зачем. И уместно ли в данном случае слово «зачем», тоже не знаю. Просто рыженькая одна из всего семейства выказывала ко мне некоторое подобие расположения, а человек так устро-

ен, что ему обязательно нужен этот самый кто-то, кто проявит к нему капельку участия.

Ну, ладно, может быть не каждый человек – так устроена была я.

Дом окружала гладко подстриженная лужайка. На ней уютно расположились белые стулья, сгруппировавшееся вокруг ажурного круглого стола.

Из фонтанчика в форме раковины, журча, стекала вода. Она падала в небольшой пруд. Над прудом перекинулся горбатый каменный мостик. В тени его плавала горделивая пара лебедей.

Пейзаж так и просился на полотно. Мне бы в руки кисть! Или простой грифельный карандаш. Но, увы, сейчас не до искусства. Впереди замужество, адаптация к жизни магов-аристократов в N-ном поколении.

Ещё чуть дальше маячит непонятная магическая школа. Или академия? Что тут у них полагается заканчивать?

Эвелин нашлась на качелях. Обычных, верёвочных, кустарным способом прикрученных к толстой ветке старинного дуба.

– Привет, – нерешительно заглядывая в книжку ей через плечо, сказала я. – Интересно?

– Не очень.

Под её саркастичным взглядом я немного сникла.

Присев на скамейку, стоявшую рядом с качелями, вздохнула:

– Можешь рассказать, что за человек мой будущий муж?

– Откровенно говоря, в мире есть люди куда приятнее него. И таких людей много. Но нашей Эмме он подходил идеально, как удав – гадюке.

– И всё же? – не желала уняться я. – Какой он?

– По общему мнению, Исидор самоуверен и честолюбив. У него репутация человека, всегда идущего к цели короткой дорогой, переступающего через любые преграды. Один из тех, кого экзальтированные дамочки называют «настоящий мужчина». Легко принимает решения за всех окружающих, требует безоговорочного подчинения своей воле. Презрительно относится ко всем, кого считает по статусу ниже себя, но тебя это не коснётся. По происхождению наша семья стоит выше Гордонов.

– Посоветуй, как мне с ним себя вести? Чтобы он не догадался, что на самом деле я не твоя сестра.

– Да веди себя с ним как вздумается, – пожалала плечами рыжая. – Вы с Исидором почти незнакомы. Так что он вряд ли не то что сможет, а и захочет что-то понимать в твоём поведении.

– И как, по мнению твоего отца, могут ужиться рядом такие личности как твоя сестра и этот Исидор?

Эвелин с любопытством на меня посмотрела:

– Ты говоришь странные вещи, Эмма. Или Алина? Даже и не знаешь, как к тебе обращаться, – развела она руками.

– Почему – странные?

– Не знаю, как обстоят дела с замужеством там, откуда ты пришла. Но в нашем мире свадьба – это просто свадьба. Никакой романтики. Объединяются не души, а кланы. Удачный брак – это подтверждение высокого статуса, гарант материального благополучия и нерушимости мира. Тебе не следует ждать от жениха чего-то большего, чем требует простой этикет. И выказывать, естественно, тоже.

– Понятно, – кивнула я, поднимаясь.

И чего я переживаю? Жених-то на самом деле не мой. Так что до исполнения супружеского долга вряд ли дойдёт, а уж остальное-то как-нибудь переживу.

– Кажется, это карета? – заметила я движение у дороги с другой стороны дома.

– С ума сойти! – всполошилась Эвелин, вскакивая на ноги. – Только не это!

– Что случилось?

– Приехал папин брат.

– Это плохо?

– В сложившихся обстоятельствах просто катастрофа. Чертовски не вовремя! Какая нелегкая их принесла?

Я всегда горевала, что у нас с мамой почти нет родственников. Представляла, как это здорово, когда большая семья собирается за одним столом. Кажется, не все тут разделяют мнение о том, что большая семья – это благо.

Из-за угла выпорхнула Эльза, вся в белом, словно ангел.

Она слегка запыхалась от быстрой ходьбы.

– Вот вы где? Идёмте, – схватила она меня за руку, словно я собиралась убежать.

– Подожди, – схватила меня Эвелин за другую руку. – Так, помни ты – Эмма Дарк. Нахальная, высокомерная, за словом в карман не полезешь. Любую трудность воспринимаешь, как вызов, а вызовы ты любишь больше всего на свете.

– Я... я кажется, сейчас всё испорчу. Или умру со страха. Я совсем-совсем-совсем не похожа на вашу сестру!

– Играй, как актриса.

– Но я не актриса!

Эльза закатила глаза.

– Просто прими высокомерный вид и молчи. Смотри вот так, – Эльза скроила такую мину, будто вокруг плохо пахло. – Сможешь?

– Не уверена. Но буду стараться.

– Не горбись, пожалуйста, – зашипели мне в спину. – Эмма никогда не горбилась.

Стоило нам шагнуть в гостиную, как мы прямо-таки утонули в подчёркнутой безукоризненности манер и избытке родственного радушия.

Мистер Адриан Дарк, временно исполняющий роль моего папочки, стоял около рояля рядом с осанистым мужчиной, как две капли воды похожем на него самого. Сухопарую грудь обоих мужчин облекали блестящие атласные жилеты, с той лишь разницей, что у одного она была заколота бриллиантовой булавкой, а у второго – рубиновой.

Оба брата были настолько стройны, что первое, что пришлось в голову при виде их – это слово «худоба». И если лицо мистер Адриана наводило на мысль о спесивом высокомерии, то лицо его брата-близнеца ассоциировалось с пьющим интеллигентом.

Рядом с миссис Дарк на диване сидела высокая, прекрасно сложенная женщина, напоминающая языческую богиню.

А молодой человек, стоявший за её спиной, со львиной гривой вместо волос, здорово смахивающий на полудикого леопарда, был, наверное, наш кузен?

Вернее, кузен Эммы.

Я никогда раньше не видела таких парней. Он был весь словно из золота – волосы, медовая кожа и жёлтые, кошачьи глаза – глаза цвета бренди.

Невысокий, но стройный. Плечи настолько широкие, что рубашка была туго натянута на груди, как кожа на барабане, а бёдра узкие и крепкие.

Честно говоря, я даже немного стушевалась, увидев перед собой такую красоту. Но если предо мной и ангел, то вряд ли небесный. Вон как смотрит – с недобрым таким, жарким прищуром.

У меня даже щёки загорелись.

– Обедать подано, сэр, – распахнул перед нами двери дворецкий.

И следом за матерью семейства Дарк все последовали в столовую.

Мистер Дарк протянул руку золовке, его брат – нашей матери, а кузен предложил руку мне, наверное, как самой старшей сестре. Эвелин и Эльза шли следом.

Столовая Дарков была большая и мрачная. По стенам висели огромные натюрморты. По центру стоял большой круглый стол. Хрустальная люстра с зажжёнными свечами свешивалась над ним ровно посередине.

Каждая вещь в комнате говорила о любви к красоте, но на мой вкус, с бронзой и позолотой тут всё-таки был явный перебор.

Меня усадили между дядей и кузеном. Чувствовала я себя от такого соседства просто ужасно.

И чего кузен Эммы глаз с меня не сводит? Причём открыто пялится? В высшем обществе теперь так принято?

Обед представлялся бесконечной пыткой.

Сначала подавали закуски. Потом «седло барашка», блюдо сочное и плотное, но салат из омаров куда больше пришёлся мне по вкусу.

В общем, стол был изысканным и разнообразием, как в лучшем ресторане.

С трудом дождавшись, пока мужчины поднимутся, я обратилась к матери с просьбой:

– Могу я уйти?

– Что такое, Эмма? – сдвинула брови она.

– Мне нездоровится. Болит голова.

– Я, пожалуй, составлю тебе компанию, дорогая кузина.

Я кожей почувствовала, как он вырос за моей спиной и чуть не взвыла от ужаса.

– Лучше на надо.

Это прозвучало, как мольба.

Брови кузена удивлённо приподнялись.

– Винтер! – обратилась к кузену его мать. – Не стоит до-
саждать Эмме. У неё и без тебя забот по горло.

– Что плохого в том, если я провожу мою неожиданно рас-
клеившуюся кузину до её комнаты?

– Я не нуждаюсь в том, чтобы меня провожали!

– Эмма! – одернула меня мать. – Это невежливо.

– Ступай, Винтер. Но не задерживайся.

Ну ладно, если я ничего не могу поделать с тем фактом,
что упрямец шагает у меня за спиной постараюсь просто об
этом не думать.

– Ты меня избегаешь? Как предсказуемо! Ну что, на-
конец-то, довольна? – вкрадчиво прошелестел Винтер.

– Чему предлагаешь радоваться? – на всякий случай уточ-
нила я.

– Как же? Заполучить в мужа такого красавчика, как Ис-
идор Гордон!

– Он и вправду красив? – заинтересовавшись, я оберну-
лась. – Красивее тебя?

Схватив меня в охапку, так, что я даже пискнуть не успела
от изумления, кузен буквально впечатал меня в стену, рас-
катывая по ней ровным блинчиком и прижимая сверху для

надёжности собственным горячим телом.

Дыхание у него было тяжелым, словно он задышался.

Я вообще-то искренне поинтересовалась. Но судя по тому, как сузились глаза Винтера, он это воспринял, как издёвку:

– Скажи, что чувствует женщина, когда её продают на ярмарке невест, словно вещь? Я всегда думал, что ты не такая, Эмма! Что ты не позволишь им поступать так с тобой. Но вся твоя сила осталась лишь на словах. Словно тёлка, идёшь в назначенное тебе стойло и даже не мычишь, – презрительно скривился он.

И лицо его словно светилось от гнева.

Глядеть на кузена, когда он так близко было плохой идеей.

Видимо, он почувствовал охватившее меня волнение.

– Посмотри на меня, Эмма, – потребовал Винтер, перехватывая мой взгляд. – Посмотри и скажи, если сможешь, что между нами всё кончено? Потому что, если ты станешь женой Гордона, это и вправду будет конец. Ты ведь не думаешь, что я буду есть украдкой обронённые тобой с чужого стола крохи внимания и удовольствия? «Либо всё, либо ничего», – помнишь?

В том-то и дело, что я не помнила. И помнить не могла.

– Ответь мне хоть что-нибудь, Эмма! Гляди на меня!

В голосе его звучала одновременно и страстная мольба, и приказ.

Грешна. Не удержалась. Глянула.

И растаяла, как шоколадка на солнце.

Он на солнце и походил. Весь светящийся, золотистый и горячий, как печка.

Его пальцы, шершавые, жёсткие, сомкнулись на моём подбородке, заставляя запрокинуть голову. Хотя «заставляли» это как-то не совсем точно описание ситуации. Я сама раскрылась ему навстречу, словно цветок весной.

Когда его губы коснулись моих, я испытала нечто вроде чувственного потрясения.

Всё было, как пишут в книжках. Сердце билось птичкой. Мурашки приятной щекоткой бежали по спине, а душа замирала, то взмывая вверх, то падая вниз, словно на качелях.

Никогда раньше я такого не испытывала. Кажется, это именно то, что называют химией? Это как упавший под определённым углом свет, что заставляет все предметы выглядеть иначе. Как стройность аккордового сочетания звуков. Никакой техникой подобного эффекта не достичь. Магнетическое притяжение, которое либо есть, либо нет.

Винтер целовал меня жадно, словно пил, стремясь утолить жажду впрок. Будто пытался слиться со мной каждой клеточкой своего тела. И в то же время его объятия были бережными и нежными.

Хотя... и эта мысль ушатом холодной воды остудила все пробудившиеся во мне страсти: он целовал не меня – он целовал свою кузину Эмму.

Коротким толчком в грудь я оттолкнула его от себя.

Под взглядом жёлтых глаз мне сделалось совсем нехорошо. Слишком внимательным, слишком цепким он был, этот взгляд.

– Эмма?

– Какой смысл вести этот разговор? – сжала кулачки я. – Ты не хуже меня знаешь, что не я затеяла это дело. Все мы просто заложники сложившихся обстоятельств...

– Послушай! – сжал он ладонями моё лицо. – Давай сбежим?

– Что?.. – шире распахнула я глаза от удивления.

– Наплюём на всё и просто сбежим.

– Куда?

– Куда угодно! Мы будем свободны, вместе – только ты и я!

Ну да, конечно. А потом посуда, быт, финансовые затруднения и прощай любовь. С мужика-то всё как с гуся вода. А у женщины репутация в лохмотья.

Не могу я так с Эммой поступить. Хотя искушение, конечно, сильное.

– Пусти меня, – тихо сказала я. – У меня правда болит голова.

– Эмма!

– Мне нужно побыть одной, – захлопнула я дверь перед его носом.

Я пребывала в полном смятении чувств. Стояла, прислонившись к стене, крепко зажмурившись. Будто это могло

хоть чем-то помочь.

Как глупо – всего один поцелуй, а сердце волнуется так, словно... словно...

Словом, у меня не было слов, чтобы это описать. У меня не было сравнений, чтобы сравнить. Ничего подобного в моей жизни вообще никогда раньше не было.

Лицо кузена Винтера так и стояло перед глазами, так и стояло, просясь на холст.

Чтобы как-то занять руки, я достала тонко очинённый карандаш, взяла лист бумаги и принялась рисовать. Руки действовали машинально, набрасывая одну линию за другой, пока на меня не глянуло бледное подобие золотого мальчика.

В дверь постучали.

Я поспешно перевернула лист:

– Войдите.

– Ваша амазонка, мэм, – присела в реверансе миленькая горничная.

Она очень старалась не глядеть на меня.

– Амазонка? – обескураженно поглядела я на наряд.

– В пять часов пополудни вы всегда катаетесь верхом, мэм. Прикажите помочь одеться?

– Да, конечно, – растерянно кивнула я, покорно отдаваясь в умелые руки горничной.

Я?

Кататься верхом?

С этими проделками амура я напроочь забыла о списке,

врученном утром, где верховая езда была выделена отдельным пунктом.

От волнения я не слишком радовалась тому, как ладно на моей фигуре сидит верховой костюм.

Я не слишком переживала, направляясь к конюшням, где располагался манежный двор. Всё происходящее казалось сном. Подчас увлекательным, пугающим, но не слишком реальным. Никак мне не отделаться от ощущения, что всё понарошку, не всерьёз.

Вот-вот очнусь и буду вспоминать обо всём об этом, как об увлекательном опыте осознанного сновидения.

Эвелин и Эльза уже дожидались меня на месте.

Эльза протягивала на ладошке подсолённый кусочек хлеба белоснежной лошадке.

Та, моргая красивыми чёрными глазами с длинными ресничками, осторожно брала угощение с девичьих рук, легко касаясь их мягкими губами.

– Какая прелесть! – искренне восхитилась я. – Можно её погладить? – протянула я руку к шелковистой гриве. – Не укусит?

Эльза поглядела на меня как-то странно.

Эвелин засмеялась:

– Пока тебя не было, наша неразумная младшая сестрёнка, видимо, надеялась, что вернулась настоящая Эмма. А уж она-то об этой смиренной кобылке никогда по-доброму не отзывалась.

– Неужели же можно не влюбиться в такое чудо? – вознегодовала я.

И всё-таки отважилась провести ладонью по шелковистой шкуре.

– Эмма считала, что у Снежинки недостаточно горячий нрав, – вздохнула Эльза, которую явно ранило такое отношение старшей сестры к её любимице.

Ну, от меня-то дурного отношения эта красавица, это белоснежное чудо природы не дождётся.

У Эвелин лошадь была гнедой.

– Эта девочка или мальчик? – полюбопытствовала я.

– Мерин, – усмехнулась она. – Спокойного нрава. Очень выносливый. А вот и твой Воронок.

Мама дорогая!!!

Да лучше я остаток дней на самокате проведу, чем на эту зверюгу верхом сяду.

Я к нему не то что на пушечный выстрел – на расстояние удара ракеты не приближусь. Ни за какие блага в мире!

Конюх с трудом удерживал животину, повиснув на удилах, или как там эта штука во рту у лошади обзывается? А конь всё равно норовил взвиться на дыбы.

Он фыркал так, что тигр с перепугу бы заболел медвежьей болезнью и убежал в леса, предпочтя остаться голодным, чем сделать попытку отобедать таким монстром.

– Это... что? – заикаясь, проблеяла я.

– Воронок. Любимый конь Эммы, – прозвучал роковой

ответ.

– Увидите! Увидите этого зверя немедленно! – сорвался мой голос на неблагозвучный визг.

– Но, мэ, конь ведь не может стоять всё время в стойле? Ему нужен променад.

– Вот и обеспечьте его ему. А мне приведите спокойную, послушную лошадку. Самую спокойную, самую послушную во всей конюшне. Я не обижусь, если это будет старая кляча.

Конюх смотрел на меня изумлённо, а Воронок вроде как даже обиженно.

Эльза прилагала все усилия, чтобы не рассмеяться.

Я понимаю. Это смешно. Но лучше я буду смешной, чем мёртвой. Или даже просто сильно ушибленной. Что толку с того, что конечности у меня чужие? Больно-то всё равно будет мне!

– Ну? – топнула я ногой на продолжающего столбом стоять конюха. – Чего стоите? Выполняйте немедленно!

Конь протестующе заржал. Бедняжка! Он хотел на прогулку с любимой хозяйкой.

Ну на ничего не поделаешь. Мне его не оседлать.

Явно пребывающий в шоке конюх выполнил распоряжение. Привёл старую лошадь.

Боже, какой огромной она была. И глаза у неё огромные. И хвост. Спина с обеденный стол в Дарк-мэноре.

Мне, чтобы усесться на такое, растяжки не хватит, потому что растяжка у меня, откровенно говоря, никакая.

Было страшно, несмотря на то, что лошадь вела себя смиренно, как монашка после обедни, и глядела совершенно коровьими, кроткими глазами.

Собравшись с духом, взяв всю свою волю, что была в наличии, в кулак, я подошла к своей кляче. Положила ладонь на её шею.

– Встань у левого плеча. Да не моего! Лошади, – инструктировала Эвелин. – Бери в левую руку повод, клади её на холку. Сюда, – положила она мою руку на нужное место. – Повод – это очень важно. Не хватайся за него судорожно, большинство лошадей очень чутко на него реагируют. Перетянешь и твоя лошадка подастся назад или вообще встанет на дыбы.

С перепугу я повод вообще чуть не отбросила, но Эвелин снова вложила мне его в левую руку.

– Так. Теперь хватайся за гриву.

Я схватилась, старательно следуя каждому слову.

– Разворачивай стремя. Ставь в него левую ногу. Когда одна нога в стремени, нужно быстро садиться в седло. С первого раза. Иначе придётся за тронувшейся вперёд лошадыю на одной ноге прыгать.

Не хотелось бы таких сложных физических упражнений. Трудоёмко и неизящно. А я теперь дама красивая. Мне не к лицу.

– Круп у лошадей чувствительный. Смотри, не задень сапогом.

Я старательно задрала ногу повыше, напоминая себе... не скажу кого.

Но я оказалась в седле. Ура!

– Держи равновесие и повод. Держи центр, Эмма!

Я не Эмма. Я – Алина. Я понятия не имею, где у меня центр, который нужно держать.

Так, ладно, доверюсь интуиции и постараюсь просто не свалиться вниз.

Вроде не так сложно, как я думала. По крайней мере пока лошадь стоит. Ну, или двигается медленным шагом.

Эвелин показала, как при помощи повода заставить повернуть лошадь направо или налево, убедительно попросила не делать резких движений. Заверила меня, что Ромашка прекрасно обучена и спокойна, как уж во время зимней спячки. Моё дело сидеть в седле и наслаждаться.

Но всё происходящее было за гранью моего понимания об удовольствии.

Лошадь резко наклонилась, потянувшись за травой. Лошадиное тело подо мной закачалось, как заплывавшая на волнах лодка. Я покатила вперёд, норовя перелететь через Ромашкину голову и сделала именно то, что меня просили не делать – резко схватилась за повод и сильно его натянула.

Испугавшись, что делаю всё неправильно, начала дёргать поводья в разные стороны.

Лошадь, тоже испугавшись, рванула вперёд на скорости, показавшейся мне дикой.

Сзади раздались крики.

Судорожно вцепившись в гриву, зажмурившись, я каждую секунду в ужасе ожидала неминуемой кончины.

Ромашка продолжала мчаться по прямой. А я начала медленно скользить по взмыленному боку, готовясь к роковому удару о каменистую почву с риском попасть под копыта обезумевшего животного.

Колени свело от напряжения. Пальцы охватило судорогой.

Я не слышала ничего, кроме гула крови в собственных ушах.

Когда слух различил дробный перестук за спиной, я не поверила – думала это новая разновидность сердцебиения. Впрочем, ни о чём я не думала – я боялась приближающейся смерти, на это уходило всё моё внимание.

Потом перед глазами мелькнуло солнце – кузен Винтер верхом на Воронке.

– Брось повод! – крикнул он. – Держись за гриву, Эмма. Да бросай же!

С трудом разжав скрюченные пальцы, удалось выпустить врезавшийся в кожу повод.

Винтер обогнал нас с Ромашкой на полкорпуса, протянул руку, схватил брошенный мною повод и в следующее мгновение лошадь послушно встала как вкопанная.

Не сразу поняв, что муки закончились, я продолжала лежать на лошадином крупе, крепко обхватив Ромашку за

шею. Мокрая как мышь и дрожащая от пережитого напряжения и ужаса.

– Эмма? Эмма, ты в порядке?

Вместо ответа я уцепилась в него той же мертвой хваткой, что держалась за лошадь и кузен стащил меня с задыхающейся взмыленной лошади, точно куль с мукой.

Я ощутила верёвки мышц под гладкой, горячей кожей. В другой момент меня это могло смутить или привлечь, но не сейчас. Сейчас я точно знала, как чувствует себя выжитый лимон – плохо.

Ноги пока ещё не болели, но, судя по тому, как задеревенели мышцы, завтра заболят как следует.

Хотя может быть и не завтра. Может быть к вечеру. Или даже через пару часов.

– Что с тобой случилось? – Винтер внимательно всматривался в моё лицо. – Поверить не могу, что тебя, лучшую наездницу во всей округе, чуть не изувечила старая кляча!

Вместо ответа махнув рукой, я отправилась на трясущихся ногах назад.

В дом Эммы Дарк.

ГЛАВА 4. Магический тест

– Как ты могла? – поджав губы, встретила меня упреками мать Эммы. – Как посмела?

Могла – что? Посмела – что? Сесть на лошадь? Чуть не свалиться с неё? Не удержаться в седле? Хотелось бы уточнений. Но их не последовало.

Горничная присела в реверансе. В руках она держала поднос с серебряным кубком.

– Выпей настойку, – всё так же сквозь зубы процедила хозяйка дома. – После этой нелепой скачки наверняка мышцы сводит судорогой? Это поможет.

Я со вздохом протянула руку к кубку.

Выглядел эликсир так, будто в воде синьку растворили. Да ещё слабо мерцал в темноте, издавая лёгкое сияние.

– Пей! – приказала госпожа Диана.

Зажмурившись, я выпила. На вкус как мел, но в желудке жгло, будто коньяк проглотила.

В следующую минуту тепло разлилось по телу, мышцы расслабились. Ощущения как после массажа или хорошей сауны. Чувство дискомфорта пропало.

– Замечательное средство! – не удержалась я от радостного возгласа. – Что это такое?

– Эликсир. И ты знаешь его состав с раннего детства, Эмма, – многозначительным тоном проговорила госпожа Диана.

на, косясь в сторону прислуги.

Я сникла.

Эмма много вещей знала с самого детства и делала их блистательно. А я, неуклюжая корова, даже на Ромашке с трудом удержалась.

Но, кстати, удержалась же!

– Ступай и приведи себя в порядок, – распорядилась мать Эммы. – От тебя пахнет псарней.

На самом деле пахло от меня потом. Лошадиным. Да и не пахло – разило. Въедливый он.

Душ я приняла с радостью.

Вода весело билась о края белоснежной ванны, разбрасывая радужные зайчики по кафелю, а меня охватила хандра.

Я даже всплакнула. Хотелось домой. Сегодня тоска была сильнее, чем накануне. Я соскучилась по маме.

По моей родной дорогой маме, у которой кроме меня никого и на свете-то не было.

Когда я глянула на отражение в зеркале, увидела, что от слёз покраснели глаза и кончик носа.

Чтобы как-то успокоиться, села за рисование. И снова карандаш принялся набрасывать профиль кузена Винтера. С полчаса ничто от процесса творчества меня не отвлекало. А потом за спиной щёлкнуло.

Повернувшись, я с ужасом увидела, что рама у окна поднимается. Через мгновение предмет моих девичьих грёз перекинул ногу, в безусловно безупречно начищенным ботин-

ке, через подоконник, и проник в комнату.

– Кузен! – возмутилась я. – Что вы здесь делаете?

– Очень мило! – рассмеялся он. – И натурально. Знай я тебя меньше, решил бы, что ты возмущаешься искренне.

– Так и есть!

Я поднялась из-за стола, прикрывая рукой незаконченный набросок, но в нём, однако, уже угадывались черты того, кто явился вдохновителем сей живописи.

– Дорогая Эмма, что за ворожба тут творится? Ты разучилась ездить верхом – я застаю тебя за мольбертом. Что дальше? Рукоделие и книги по домоводству? И что ты там пытаешься ваять? Весну, переходящую в лето? Свет девичества на пороге женственности в мечте о возлюбленном? Красавицу, представляющую, какой верной и нежной она будет будущему мужу?

С издёвкой тянул Винтер, прохаживаясь по комнате, вертя в руках то один предмет, то другой, потом возвращая их на место. В движениях его была нервозность, тщательно замаскированная под бесшабашную весёлость.

– Юность полна надежд, – парировала я.

– Эмма? Ты девушка, которую я люблю. Я готов всегда хранить тебе верность – и в юности, и в зрелости. У нас с тобой у обоих в будущем будет полно денег. Так о чём нам беспокоиться? Давай сбежим и поженимся втайне ото всех? Рано или поздно родные смирятся с этим фактом. Куда они денутся? Только скажи «да»!

Я бы с радостью согласилась на это предложение, так как от одного взгляда на солнечного мальчика у меня в груди теплело. Но я понятия не имела о намерениях и чувствах настоящей Эммы.

Паузу держать становилось всё труднее.

Винтер фыркнул, саркастично и горько.

Обойдя стол, разделяющий нас, потянулся к моему рисунку:

– Так что ты там всё-таки рисуешь, кухня? – потянул он к себе мой рисунок.

Я ухватилась за ватман обеими руками, не давая его перевернуть.

– Ничего! Это просто наброски.

– Ну так мне нравятся наброски. Дай взглянуть?

Я вцепилась в рисунок, как клещ в собачий хвост.

Не помогло. Винтер оказался проворнее и сильнее.

Перевернув листок, он с радостной улыбкой мог созерцать свой светлый лик в моём дремучем исполнении.

– Ну надо же! А у тебя прорезался внезапный талант? Я вышел весьма удачно.

– Отдай немедленно! – притопнула я ногой, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Они наверняка теперь пылают, как маков цвет.

– Я настаиваю! Он мой! Какое у тебя право брать его?!

– Раз он тебе так дорог – возвращаю. Не горячись.

Но я горячилась. Ещё как. В сердцах разорвала рисунок

пополам, отчего в янтарных глазах Винтера вспыхнули опасные золотые огни как у тигра, заметившего добычу.

Какое-то время мы гневно пялились друг на друга. Потом меня схватили, с силой дёрнули и пихнули на огромную кровать, игнорируя протестующие возгласы.

– Что ты творишь?! – кричала я. – Что себе позволяешь?!

– Ничего такого, чего бы не позволял себе раньше. Ничего такого, что ты сама не позволяла бы мне!

Я замотала головой, выражая протест подобным произволом.

Винтер щурился, глядя мне в глаза. И я, теряясь под этим взглядом, тщетно пыталась разобраться в эмоциях, что он во мне вызывал.

Кузен Эммы пах разогретой солнцем полевой травой и ещё, совсем чуть-чуть, табачным дымом.

– Зачем ты порвала мой портрет?

– Потому что ты меня разозлил.

– Ты меня сейчас тоже злишь.

– Но ты меня – больше.

Мне было жарко под весом его горячего тела. Почти нечем дышать. А когда он меня поцеловал я и вовсе задохнулась.

А ведь ничего особенного и не происходило. Винтер просто склонился и коснулся своими губами моих губ, но в глазах поплыл туман. Он словно стал порывом коварного ветра, обещавшего раздуть огонь, о наличии которого в себе я даже не подозревала.

Меня сводили с ума широкие плечи, невыносимые ухмылки, растрепанные волосы цвета янтаря.

Но слава богу разойтись со своими поцелуями мы не успели. В дверь постучали:

– Эмма?

Дверная ручка заплясала вверх-вниз.

– Эмма, дорогая? Открой.

– Вот чёрт! – прорычал кузен, порывисто вскакивая. – Принесло же!

Я последовала его примеру, на ходу поправляя пеньюар, приводя себя в приличный вид.

Винтер метнулся к окну, послал мне оттуда воздушный поцелуй и растворился в ночи. Не забыв опустить за собой раму.

А я открыла дверь:

– Мама?

Перестаралась, однако. Мамой леди Диану я до сих пор не называла ещё ни разу.

Леди стремительно ворвалась в спальню, оглядывая мебель ястребиным взором и так явно к чему-то принюхиваясь, что мне стало смешно.

Я закашлялась, стараясь скрыть охватившее меня неуместное веселье.

– Ты одна? – подозрительно сощурилась она.

– С кем мне быть? – наивно распахнула глаза я.

– Почему тогда так долго не открывала?

– Задремала. Спросонья не сразу поняла, что происходит.

Она смерила меня очередным взглядом из серии «ищет и подозревает», но кивнула в знак доверия:

– Я зашла узнать, как ты себя чувствуешь после сегодняшнего инцидента?

– Эликсир сотворил чудо. Будто и не было ничего.

– Что ж? Отдыхай. Завтра сложный день.

Но я не собиралась отдыхать. Образ золотоволосого кузена не давал покоя. Кажется, он не давал покоя и моей предшественнице?

Интересно, а моё поведение не вызвало подозрений у этого красавца? Ещё раз лишнее подтверждение тому, что мужчины понятия не имеют о том, что у женщин в голове. Им это даже и не интересно.

Накинув на плечи шаль, чтобы укрыться от гуляющих по коридорам сквозняков, я направилась к Эвелин.

На моё счастье сестра Эммы ещё не ложилась. Она даже не очень удивилась моему приходу.

– Заходи, Алина-Эмма. Выкладывай.

– Что выкладывать?

– С чем пожаловала?

Я потопталась немного на месте, терзаясь сомнениями. Никогда не любила ябедничать. Но что же делать?

– Ты знаешь, что у вашей сестры роман с кузеном Винтером? – резко спросила я, радуясь, что слово уже сказано и одновременно страшась, что пути к отступлению больше нет.

Эвелин, смерив меня взглядом, молча кивнула.

– Тебе не кажется, что меня следовало бы об этом предупредить?

– Я предупреждала.

Наткнувшись на мой недоуменный взгляд, Эвелин пожала плечами:

– Говорила же, что моя старшая сестра не предмет для подражания. При условии, конечно, что собираешься подражать достойным людям. Они путаются с Винтером лет пять. Не исключено, что кузен был её первым любовником.

– Первым? – нахмурилась я. – А что? Был кто-то ещё?

– Эмма девушка больших appetитов, горячего темперамента, к тому же любительница нарушать правила. Я наверняка знаю о пяти её признанных любовниках. Но, думаю, их было куда больше.

Признаться, в опытных руках Винтера мне тоже хотелось расстаться со своей девственностью. Которой в теле Эммы у меня в добавок давно уже и не было. Красавица Эмма распрощалась с этим атавизмом в детстве и, кажется, не жалела об этом ни минуты.

– Мужикам она умела головы крутить, этого у старшей сестрицы не отнять, – не без яда в голосе вещала Эвелин. – Для неё это зачастую был новый эксперимент, очередной трофеей, развлечение. А для многих из них всё было куда серьёзнее. Они в неё влюблялись. Вот и кузен – тоже. Но, боюсь, он до конца не осознаёт, что для неё значит.

– А что он для неё значит? – на всякий случай уточнила я.

– Эмма называла их отношения домашним перепихоном.

Ну не с конюхом же ей тут спать? А три месяца без секса для неё слишком много.

Я окинула Эвелин взглядом, пытаюсь понять, как она сама-то к такой позиции относится. Я – так точно не разделяю. Наверное, неспроста загремела я в это чванливое викторианство? Мне в отношениях пола всегда свойственны закрытость, сдержанность и брезгливость. С кем попало где попало и как попало – это не моё.

По мне, за такое поведение как у Эммы, люди получают хлесткие, грубые оскорбления вполне заслужено.

Со временем я, видимо, превращусь в тех вредных тёток, что ахают вслед красавицам на лабутёнах в обтягивающих брюках тигровой расцветки: «Шалавы!».

Да и как понять девушек, для которых такой писанный красавец и просто герой, как кузен Винтер (ведь рисковал же собой ради спасения меня любимой!) всего лишь «домашний перепихон» из серии на безрыбье рак рыба?

– Что-то тут загрузила? – спросила Эвелин.

– Как тут не грустить, когда всё так грустно? Нет! Я даже не буду пытаться быть твоей сестрой. Это бесполезно и даже вредно – для моей психики. Удивляюсь, как это кузен ещё не понял, что со мной и Эммой что-то не так?

– А как поймёшь? Кто догадается, что в теле дорогого тебе существа иная сущность? Ладно бы ещё одержимость, но

тут-то полное замещение! Мне кажется, даже мама в глубине души считает, что на самом деле изменения, происходящие с тобой, временны. Вроде шока. Ты выглядишь, как Эмма, у тебя голос Эммы, её взгляд, её движения. Так что, если специально не знать, и в голову не придёт, как всё обстоит на самом деле.

Эвелин развела руками:

– Вообще-то, дома тебе не о чем беспокоиться. Вот когда вернёмся в универ, тогда... но, возможно, отец ещё успеет всё уладить до этого времени, и ты вернёшься к себе, а Эмма – к себе.

– Хорошо бы, – снова вздохнула я, обнимая себя руками.

– Скорее всего так и будет.

Я кивнула.

Какое-то время мы сидели молча, прислушиваясь к мерному тиканью часов на каминной полке.

– Эвелин, а что не так у Эммы в универе? И что он из себя вообще представляет, ваш универ? Чему там учат?

– Магический университет? Как думаешь, чему там могут обучать?

– Магии.

– Молодец. Умная девочка, – ёрничала Эвелин.

– В моём мире магия бывает только в сказках и в кино.

– Что такое кино?

– Ну... – попыталась я подобрать слова, чтобы описать понятие, давно и прочно вошедшее в современную жизнь в мо-

ём мире. – Это нечто вроде книжных историй, только не читаешь, а смотришь в специальный ящик, по которому их показывают.

– Ты говорила, в твоём мире нет магии?

– Это не магия. Это наука.

– Может быть, в твоём мире наукой называют магию?

– Нет, Эвелин. Наука, это наука. В ней нет ничего сверхъестественного.

– И в чём суть этой вашей науки?

– В том, чтобы скрытые силы природы и энергию различного вида поставить на службу человечеству.

– Знаешь, а ведь о магии можно сказать абсолютно то же самое.

Мы снова погрузились в сосредоточенное молчание.

– Может быть, о магии и можно сказать то же самое, но для того, чтобы использовать науку мне нужно лишь нажать определённый ряд кнопок. А вот с магией так вряд ли получится. Возможно во мне и магии-то никакой нет?

Эвелин поглядела на меня большими глазами:

– Что значит нет магии? Эмма была одним из лучших магов, которых я знала!

– Мы снова и снова вынуждены ходить по кругу: я не Эмма! Как ты думаешь, где средоточие магии – на кончиках пальцев? Или её генератор – это душа? Последнее вероятнее, правда?

– Поняла. Не стоит продолжать, – тряхнула головой

рыжая, за раздражением явно скрывая волнение, если не страх. – Нам нужно проверить, если ли у тебя хоть какой-нибудь дар.

Я удручённо кивнула:

– Как будем проверять?

Эвелин какое-то время посидела, подперев подбородок ладошкой, в задумчивости покачивая ногой.

Потом поднялась, подошла к комоду и вытащила оттуда коробку:

– Проведём тест.

В коробке оказалось четыре кристалла в виде пирамидок: красный, чёрный, синий и белый. Все пирамидки Эвелин выставила передо мной в ряд на круглую подставку. Вертанула её, и та завертелась, словно юла в Клубе Знатоков.

– Отвернись и закрой глаза, – велела она мне. – Расслабься и постарайся ни о чём не думать.

Подобные технологии часто используются при различных медитациях. Я читала.

Вообще-то при внешней простоте наказ ни о чём не думать проще дать, чем исполнить. Наш мозг такая штука, что не может не издавать сигналов. Какой-нибудь образ да выбрасывает в виде случайных слов, картинок, строчек из стишков – любую лабуду, но транслирует.

На сетчатке глаза ещё отражались цветные пирамидки. Я продолжала видеть их. Черную и красную, белую и синюю. Они крутились, вертелись, поднимались в воздух.

– Отлично. Можешь поворачиваться.

Я так и сделала.

Пирамидки действительно парили. Но не все. Только белая и синяя.

– Что это значит? – спросила я.

– Значит то, что дар у тебя определённо есть, но...

В голосе Эвелин прозвучало напряжение.

– Но?

– Каждый цвет пирамидок символизирует определённую грань магии. Красный – боевое направление, огненная стихия, белый – целитель, воздух, синее – вода, ментальное направление, ну и чёрный – некромантия и черная магия, соответственно.

– Значит, – обрадовалась я результатам теста, – я белый маг, и смогу, когда научусь, исцелять людей!

– И не только, – задумчиво протянула Эвелин, не сводя с меня грустных глаз. – Тут всё зависит от силы Дара. Чем больше энергии, тем больше способностей.

– Но ведь что-то не так, да?

Эвелин понуро опустила голову:

– Даже не знаю, было бы хуже, не выкажи ты вообще никакого Дара. Видишь ли, у Эммы цвета красный и черный. У вас ни одного совпадения.

– Это важно?

– Это как фундамент у здания. На этом, – махнула Эвелина рукой в стороны пирамидок, – строится всё остальное.

Эмма учится на третьем курсе Некромантологии. И в обозримой истории не случилось, чтобы у кого-то на середине пятилетнего курса обучения настолько менялась Сила Дара.

Мы снова сели на кровать, рядом, плечом к плечу. С тоской глядя на разноцветные пирамидки.

– Сколько времени осталось до возвращения в Институт?

– Три недели.

– А сколько шансов на то, что Адриан успеет вернуть всё, как было?

– Я не знаю, – грустно протянула Эвелин. – Папа сильный маг. Но сложно обернуть заклинание высшего уровня, основы плетения которого тебе неизвестны.

– Если помолвку и встречу с неизвестными любовниками твоей сестры я ещё как-нибудь смогу пережить, то с магией полная беда.

Эвелин поглядела на меня и согласно кивнула:

– Полная.

ГЛАВА 5. Ночной гость

Ещё разок поплакав на сон грядущий о своей печальной судьбе, я впала в депрессию. Если утром я встала с твердой уверенностью и убеждением, что нужно надеяться на лучшее (возвращение домой), но готовиться к худшему (что я застряла тут надолго, если не навсегда), а значит, необходимо как-то обживаться в новом мире, то теперь меня всё больше и больше угнетала возможность никогда не увидеть маму.

Самое страшное было осознавать всю глубину горя, которое постигнет её при разлуке со мной. Эмма, такая, какой она мне представлялась, вряд ли сможет меня заменить. Да и то, что захочет, весьма сомнительно. Но плачь, не плачь, а объективно я сделать для исправления ситуации пока ничего не могу.

Нас с Эммой поменяла местами магия. Эмма наверняка знает, какая. Я – нет. Но если я не хочу оставаться пассивным объектом, прежде всего должна понять, как эта их магия действует, следуя старой поговорке – от чего заболел тем и лечись.

Откровенно говоря, меня охватывали то тоска, то отчаяние. Это как необходимость решать задачку по интегралам, когда ты только-только выучил таблицу умножения и даже с дробями справиться не в силах.

Как можно быть лучшим там, где ты даже не ноль, ты ни-

же?

Я ворочалась с боку на бок. Сон всё не торопился прийти. Как не лягу, всё неудобно. Постель непривычно огромная, потолок – высокий, комната широкая. Так и кажется, что кто-то в ней помимо тебя прячется. Разумом понимаешь, что быть такого не может, а жуть берёт.

Как назло, поднялся ветер.

Под окнами спальни стояло дерево. Оно жутко, сухо, как гигантское насекомое крыльями, шуршало листья при каждом новом порыве.

Как только моя психика смирилась с этим фактом, по законам жанра судьба добавила жути в виде отблеска от пока ещё далёких зарниц.

Приближалась гроза.

Я боюсь грозы. Панически.

Я вообще много чего боюсь, потому что трусиха по жизни. И да, я знаю, что вероятность погибнуть от грозы, находясь в большом каменном доме, когда над тобой крыша и ещё один этаж, теоретически равна нулю.

Но разум – разумом. А страх – страхом.

Набросив на голову одеяло, я закрыла глаза и приказала организму: «Спи!». Напуганный приближающейся грозой он беспрекословно подчинился.

Душная темнота сомкнулась вокруг меня в крепкий кулак.

А когда отпустила от себя, я оказалась на вершине изо-

гнутой лестницы. Внизу располагалась квадратная камера, окруженная толстыми каменными стенами. Камеру от лестницы отделяли решётки. Меня пронзило осознание того, что впереди ждёт что-то очень-очень страшное.

Факелы дымились на стенах. И в их неровном отсвете я смогла рассмотреть неясную фигуру в чёрном клобуке.

«Пикая дама – приди! Пиковая дама – приди», – тянули речитативом тонкие высокие голоса.

В смятении я дотронулась до лестничных перил и мои пальцы тут же окрасились красным.

Кровь была свежей, яркой и напугала меня до икоты.

А ещё я ощутила запах. Смрадный, ужасный настолько, что от ужаса я проснулась, оставив позади и непонятную лестницу, и завывание голосов. Только лучше мне от этого ни капельки не стало.

Очередная вспышка молнии залила комнату ярким зловещим светом, высвечивая человеческую фигуру. Я сразу поняла, что это не кто-то из родственников и не прислуга, а что-то очень-очень страшное.

Куда даже более страшное, чем ночной грабитель или насильник.

Он зашаркал ногами по ковру, двигаясь в мою сторону. Даже в темноте было видно, насколько неестественны его движения. Будто человек шёл по воде, загребая ногами.

Я пронзительно, громогласно, во всю силу легких заверещала и рванула к двери. Трясущимися пальцами старалась

отпереть замок, но он проворачивался, как в самых нелепых ночных кошмарах.

Я чувствовала его приближение. Он уже был за моей спиной!

Дверь всё же поддалась, позволяя выбраться из комнаты в коридор.

Я не переставала визжать ни на секунду, но даже не осознавала, что кричу, срывая горло.

Тёмное нечто не смогло выбраться за мной в коридор.

Тусклые, но вполне способные освещать пространство светильники, позволили мне его рассмотреть.

Уставившись на топчущееся на пороге комнаты чудовище, я нервно вздохнула, чувствуя сухость во рту.

Когда, возможно, нечто было крупным мужчиной. По-русски, как говорится, косая сажень в плечах. Ручищи, как канаты – одни мускулы. Глаза без проблеска мысли. Во взгляде одна пустота.

Я не слышала, как застучали двери, как кто-то приблизился, спеша на помощь. Прислонившись спиной к стене, тихо съехала на пол, потому что ноги отказывались держать.

То, что я видела, сводило меня с ума. Передо мной стоял настоящий зомби. Распространяющийся от него запах был омерзителен. Из рта тёмной струйкой сочилась вязкая жидкость.

Потом пространство разрезало цветными лучами.

Световые стрелы как лезвие врезались в тело мертвеца.

Руки зомби отлетели на пол вместе с ошметками плоти и костей и, извиваясь, поползли к порогу, но зачарованной черты пересечь не сумели.

Кузен Винтер, Эвелин и Эльза, зажимая в руках нечто вроде стилета с крестообразной ручкой, непрерывно посылали в монстра лазерные лучи.

Хотя, возможно это был и не лазер, но именно это пришло мне первым в голову при созерцании их смертоносных всполохов.

– Почему ты не успокоишь его, Эмма?! – рявкнул на меня Винтер.

Успокоить его? Это как?

Ну, Эмма, может быть и смогла бы, а я... меня бы саму кто успокоил!

После того, как Эльза ловко подрезала зомби ноги, он накренился и повалился на бок. Как назло, прямо на порог.

В воздухе словно что-то мигнуло, смрад усилился, мертвяк перекатился на животе через зачарованную линию, после чего пополз прямо на меня, подталкивая себя оставшейся в наличии ногой.

О Боже!

О Боже-Боже-Боже!!!

Винтер ловко вскинул свой стилет, стреляющий цветными лучами-лезвиями и отстрелил зомбаку последнее средство передвижения, разбрызгивая куски гниющего мяса, когда он уже был в паре метров от меня.

Наступила тишина.

Потому что я, наконец, перестала орать.

И только тогда осознала, что ору. Вернее, орала.

Живая мертвечина лежала, перекатываясь с боку на бок, вращая глазами и разевая черный рот с остатками гнилых зубов напоминая беспомощного червяка.

Держа перед собой стилеты, словно заряженные револьверы, Эльза и Эвелин бочком приблизились к растянувшейся по дорогим Дарковским коврам гадости.

– Что за!.. – выругалась Эвелин.

Эльза брезгливо поморщилась, то ли от вида зомби, то ли от издаваемого им зловония, то ли от высказывания сестры.

Оторванные кисти с обрубками, лишенными пальцев, извивались и шлёпали за порогом, словно всё ещё пытаясь добраться до цели.

В тёмной полукруглой арке коридора показалась высокая фигура Адриана в длинном синем халате, развевающимся вокруг его ног при каждом шаге. Оценив картину одним взглядом, маг сделал пас рукой. Словно синий прозрачный огонь смерчем метнулся по стенам, подул нам в лица, обретая полную мощь там, где были смердящие останки.

Зомби впитался в пол, или испарился, или сгорел. Словом, неважно. Главное, что его больше не было. Даже смрад испарился без следа.

– Не стой как пень, Винтер. Поддержи Эмму. Она, кажется, сейчас вот-вот лишится чувств, – процедил отец Эммы.

Я только тут заметила, что на кузене кроме штанов от пижамы не было ничего. Правда, сейчас никакая красота земная и, тем более, неземная, не способна была меня соблазнить, очаровать или смутить. На фоне посетившего меня зомби терялось всё.

Поддерживая меня, Винтер вошёл со мною в комнату, выглядевшую так спокойно и мирно, будто ничего страшного в ней никогда не случалось.

Эльза налила мне стакан воды.

Я охотно приняла, но пить не получалось. От страха горло сдавило спазмом.

– Что за ерунда тут происходит, мне кто-нибудь объяснит? – скрестив руки на груди, сведя золотистые брови, воскликнул кузен.

– Как зомби оказалось в комнате Эммы? – в свой черёд спросил Адриан. – Кто-то снял защиту?

– Возможно, она сама? – саркастично фыркнул Винтер.

– Я точно ничего такого не делала, – возмущенно замотала я головой.

– Она не могла, – в один голос воскликнули Эвелин, Эльза и Адриан.

– Она-то? Да не могла? – хохотнул Винтер.

Адриан тяжело уронил руку на плечо племяннику и проникновенно заглянул ему в глаза:

– Видишь ли, произошёл несчастный случай, в результате которого наша Эмма – это как бы и не совсем наша Эмма.

Моя, безусловно талантливая и слишком любящая авантюры дочь научилась создавать живую молнию. Но случилась отдача, и Эмма потеряла память. Эта Эмма ничего не помнит. Не умеет колдовать. Ты же видел, она не сумела справиться с банальным зомби!

Зомби, оказывается, банальны? О-о!

– Даже цвета магии у неё изменились. Мы проводили тест. Магия Эммы теперь сине-белая.

Немая сцена.

Эти люди моей сине-белой магии испугались не меньше, чем я – «банального зомби».

– Но... но... – запинаясь, проговорил кузен. – Эти изменения? Они ведь обратимы, правда?

– Мы на это надеемся, – уныло проговорил Адриан. – Ты сам понимаешь, как важно хранить все втайне. Наша огненная Эмма сейчас слабее котёнка и как никогда нуждается в поддержке и наставлении. Мне ведь можно не объяснять тебе, Винтер, важность произошедших с нею перемен. Ты сам только что видел всё.

Винтер смотрел на меня с таким выражением, с каким в другом мире на возлюбленную парень смотрел бы после того, как у неё оторвало бы руку. Или – ногу. Или, скажем, парализовало бы её, ненароком. Словом, с ужасом, жалостью и... не брезгливостью, нет, но в его глазах я определённо инвалид.

Интересно, если бы я сумела самостоятельно замочить

зомби, ловко вонзив ему в мозг ножку от табуретки, это бы избавило меня от подобных взглядов?

Сомневаюсь.

Зомби нужно было истребить магическим путём. Любой способ из «Ходячих мертвецов» тут не прокатит.

– Вы должны помочь Эмме адаптироваться, – продолжал вещать Адриан. – Должны делать всё возможное, чтобы как можно дальше её состояние оставалось тайной для всех за гранью семьи.

– Конечно, дядя, – кивнул Винтер. – Сделаем всё, что сможем. Не сомневайтесь в этом. Но не кажется ли вам, что в свете всего случившегося, помолвка с Исидором Гордоном не очень хорошая затея?

– Хорошая или нет, но терять удачного жениха для дочери я не намерен. Это не обсуждается! – отрезал Адриан. – Эвелин, в следующий раз обязательно проверяй комнату сестры на наличие магической защиты. А ещё лучше, постарайся освежить её память настолько, чтобы она могла это делать самостоятельно.

– Да, отец, – кивнула рыжая.

– А сейчас – всем спать!

– Я одна ночевать не буду! – истерично вскричала я, вскакивая с места.

– Хорошо. Ночуй с сёстрами, – поморщился отец.

Тон его не оставлял возможности развития дискуссии.

– Защиту я только что ещё раз обновил. Так что здесь те-

перь безопасно, как в банке.

– Я только принесу подушку, – шепнула мне Эвелин. – Ничего не бойся. Я мигом!

Винтер уходил, то и дело оборачиваясь на меня. И мне все не понравилось, как он на меня смотрел. Как на мокрую несчастную собачонку.

Впрочем, именно так я себя и чувствовала. Жалкой. Никчёмной.

Нет, так не годится! Неприемлемо.

Не знаю, каким образом я это сделаю (пока не знаю!) но сделаю все возможное, чтобы стать похожей на ту бесстрашную и сильную Эмму, которую они знали. Раз тут принято не бояться зомби, значит, нужно будет не бояться.

Хотя – как? Страшно ведь до чёртиков. Живой мертвец – настоящий живой мертвец в трёх шагах от тебя? Бр-р.

В задумчивости я прошлась по комнате.

Мне показалось? Или на столе вправду лежит бумага, что вечером я не заметила. Тонкий папирусный лист, исписанный твердым, четким, но мелким почерком:

«Прекрасная Эмма, если ты читаешь это, значит, уже получила мой подарок?»

Ты наверняка уже успела забыть то маленькое пари, в котором выставила меня глупцом-самоучкой.

Кто я такой, чтобы меня помнить, правда?»

В обычае джентльменов не устраивать поединки с дамами, но то, как ты вела себя со мной в течении последних ме-

сыцев, презрев все правила и приличия, позволяет и мне нарушить древние обычаи. Я это делаю с лёгким сердцем, поскольку, согласно твоим же утверждениям, я не более, чем грязь и не имею понятия о благородстве.

Отдавая тебе должное, я понимаю, что мой подарок тебе не угроза. Угроза само его появление. Считай это открытым объявлением войны, Эмма Дарк. Не забывай поглядывать, что у тебя за спиной

Рет Блэйд».

– Видишь, я быстро? – раздался уверенный голосок Эвелин. – Я не стала задерживаться, понимая... о! Да ты вовсе и не напугана. Что ты там читаешь?

– Кто такой Рет Блэйд?

Эвелин побледнела и уставилась на меня, как на приведение:

– Кто?.. Как?.. Откуда ты знаешь это имя?

– Записка подписана его именем. Зомби, как понимаю, послал тоже он?

Эвелин села на кровать, не сводя с меня потемневших от ужаса глаз.

Что за монстр такой этот Блэйд раз одно его имя напугало Эвелин до такой степени?

– Ну и кто он? – наступала я с требованием ответа.

Эвелин часто заморгала, явно пытаясь придумать под каким соусом подать историю.

То, что история будет неприятной, я поняла по выраже-

нию её лица, ставшему одновременно и растерянным, и сердитым.

В душе червячком заворочалась мысль о том, что, возможно, само моё появление здесь как-то связано с именем Рета Блэйда.

– Рет учится на одном факультете с Эммой, – выдохнула, наконец, Эвелин. – Он очень талантливый некромант. Но ужасный, просто ужасный человек. Совершенно мерзкий, абсолютно гадкий тип! Даже если я напишу на сорока страницах, какая это гадость и как он мне противен, даже и тогда я не передам тебе суть этого человека. Меня взбесило, когда Эмма ни с того, ни с сего вдруг начала стелиться перед ним. Она, которая никогда ни перед кем не склоняла головы! Которая даже отца не боялась! Я начала подозревать, что он, мерзкий паучище, чем-то её шантажировал.

– Чем?

– Ну? – отвела взгляд Эвелин. – Эмма всегда так неосторожна. Я уверена, что по большей части сестра не виновата. Что бы не было там между ними он использовал это как оружие. А Эмма только защищалась.

Слова потоком текли с уст Эвелин. И сам тон её, и степень возмущения выглядели ненатурально.

Моя уверенность в том, что именно с Ретом Блэйдом связан мой переход в тело Эммы только усилилась.

Мерзавка испугалась чего-то и напортачила с заклинанием? А, может быть, и не напортачила, а сделала всё вполне

сознательно?

– В этом письме, – помахала я полученным посланием, – содержится открытая угроза. За что он угрожают твоей сестре, Эвелин?

– Я же говорю, Рет ужасный человек! Он способен на любую подлость. А ещё он очень талантливый, сильный маг. Подумать только, сломать родовую защиту Дарков, чтобы наравить на тебя зомби?

– Эвелин! – теряя терпение, всплеснула руками я. – Ты не могла бы говорить поменьше слов? Короче! Что произошло между Эммой и этим твоим чудовищем? Что они не поделили?

Эвелин глубоко вздохнула, словно собиралась войти в холодную воду:

– Она его подставила. Крупно. Даже очень крупно. Блэйда вышвырнули из Института.

Ого? Ничего себе! Пленных не берём?

– Эмма считала, что, если Блэйда не будет в Институте, он наверняка не сможет ей навредить. Раскрыть её позор.

– А в чём позор-то?

– Какая ты недогадливая! – с досады повысила голос Эвелин. – У неё с ним была случайная интрижка. Позиция Эммы в школе безупречна, а если бы об этом стало известно... словом, она не могла этого допустить. Блэйд – никто. Полное, совершенное никто. Чёрный, хищный, страшный. Не знаю, как сестра вообще могла на него позариться?

– Это ты уже, кажется, говорила.

– Да, да, – сжала Эвелин виски тонкими пальцами.

Тема разговора явно ей не нравилась.

– Так что сделала Эмма? – не отставала я.

– Подговорила Винтера и его дружков устроить засаду.

Они подстерegli Блэйда в одном из пабов, хотели избавиться от него раз и навсегда. Убивать, конечно, никто не соби-рался – хотели просто избить.

Я слушала Эвелин, не сводя с неё глаз. Она рассказывала о случившемся, как о само собой разумеющемся. Будто так и надо. Что-то в ком-то не нравится – бей!

– Мы должны были быть уверены, что он нас боится. По-этому это сделали.

Эвелин даже не заметила, как с рассказа «об них» пере-шла к рассказу «о нас».

– И сколько вас было?

– Винтер, его друг Пауль, мой парень, парень Эльзы. Ну, и сама Эмма, разумеется. Она не из тех, кто станет отсижи-ваться в стороне.

– А вам не казалось, что шестеро против одного это... как-то не спортивно, что ли?

– Не смей! Да этот гад на первом курсе знал больше заклинаний, чем мы сейчас. Заклинаний, кстати, к которым у него по праву рождения не должно было быть даже доступа.

– А как же он до них добрался?

– Сам, наверное, изобрёл, – с ненавистью сказала Эве-

лин. – Мы осознавали, что это рискованно, но Дарки никогда не сдавались.

«Особенно имея большой численный перевес», – подумалось я.

Видимо, на лице отразились все мои чувства, потому что Эвелин с досадой прибавила:

– Пойми, в наших планах не было серьёзно ему навредить. Мы хотели лишь напугать. Заставить с нами считаться. Этот зарвавшийся выскочка слишком много о себе возомнил! Было необходимо указать ему на его места. Если бы ты была знакома с проклятым Блэйдом, ты бы поняла, почему.

Винтер с Паулем начали его задирать и высмеивать. Не постеснялись сказать о том, что ему не место там, где отдыхают благородные люди. Нам нужен был повод сцепиться. И мы были намерены его найти в любом случае. Но Блэйд игнорировал их реплики. Тогда Винтер отвесил ему оплеуху. В итоге Блэйду надоело уклоняться от схватки, и он принял вызов.

Мы перенеслись в глухое место – в один из тупиков Зелёного Лабиринта. Ночь была глухая и тёмная. Нас никто не должен был побеспокоить.

Удары Винтера Блэйд легко парировал, даже не вспотев. Силы противников были приблизительно равны, пока, следуя своей чёрной породе, Блэйд не использовал против кузена камни. Разъяренный кузен выполнил любимый свой трюк – огненные стрелы. Он, конечно же, не должен был этого де-

лать. Попади маленькие молнии в цель, исход для противника был бы печальным.

Но Блэйд подло отзеркалил удар. Всё, что кузен послал в его сторону, вернулось к нему же. Мы были вынуждены тоже ввязаться в драку. Но видимо сам дьявол был на стороне Блэйда. Проклятый держал оборону железно. Чтобы бы мы не делали, пробить не могли.

От наших ударов он увертывался, уклонялся, уходил, пока собственные атаки нас же и не вымотали.

Мы не думали, что легко его одолеем. Но с ним оказалось даже труднее, чем мы рассчитывали. Устав, договорились ударить разом, все вместе. Окружили его. Но, не понятно каким образом, он использовал нашу же энергию против нас! Отдача была такой силой, что всех разбросало, точно кегли. Магический фон подскочил до такой степени, что нас засёк Патруль.

Он и явился как раз вовремя, чтобы зафиксировать использование смертельного проклятия, что Блэйд собирался применить к Винтеру.

На судебном разбирательстве Эмма дала показания, будто Блэйд покушался на её честь, а кузен Винтер и его друзья вынуждены были вступиться. В результате чего и завязалась драка.

Наш противник якобы нарушил два нерушимых правила. Он – никто, а посягнул на жизнь и честь дворянской семьи! Блэйда в два счёта выкинули из Университета. Не помогло

даже прямое заступничество директора. Мы торжествовали победу. Пока Эмма не получила первое послание.

– Значит, послания уже были?

Прикусив губу, Эвелин кивнула:

– Твоё уже третье. Подумать только? Гадёныш осмелился нам мстить! – с искренним возмущением воскликнула она.

Откровенно говоря, я была в шоке. Не столько тем, что у меня, оказывается, в списке личных врагов оказался столь сильный маг, который в одиночку сумел противостоять шести противникам. Куда в большее смятение или, уж если говорить откровенно, разочарование, меня привело поведение людей, к которым я уже начала привязываться.

Нет, ну нормально, а?! Переспала с парнем, проснулась, подумала, с чего-то передумала (хотя думать нужно до, а не после), ну, поставила точку.

И всё. Живи дальше. Зачем такие радикальные меры? Зачем такая травля?

– Он симпатичный, этот некромант? – спросила я.

Может быть, на самом деле это именно он дал Эмме отставку, а самовлюблённая красотка ему отомстила, как могла? Мысль не лишена логики.

– Этот бесстрастный крысёныш? – брезгливо передёрнула плечами Эвелин. – Заморыш, жмущийся по углам.

– Наверное, из бедной семьи?

– У него вообще никакой семьи нет. Он – сирота. На обучение в Институт попал по целевой программе, по рекомен-

дации кого-то из министерских. Сутулое тёмное пятно. Но умен, гад. Ума у него, при всё желании, не отнять. И маг талантливый.

Что-то в горячности, с которой Эвелин произносила свою тираду, мешало ей верить. Слишком уж напоказ она выставила свою неприязнь. Не сходилось что-то в стройную логическую картинку. Я, конечно, не великий психолог, но сестру Эвелин жалует не особо, чтобы так люто ненавидеть её врага. Где-то рыжая красотка фальшивит.

– Ты что? Сочувствуешь ему? – возмутилась Эвелин, заметив мои колебания. – Да если бы мы опоздали вмешаться хоть на минуту посланный им подарочек разорвал бы тебя на части!

– Я не хочу ссориться, Эвелин. Слишком устала, слишком напугана, чтобы делать какие-либо выводы. Возможно, я просто не знаю каких-то деталей. Но так, как эта история прозвучала... боюсь, каким бы плохим не был этот парень, у него есть моральное право вам мстить.

– И не сомневайся, он этим правом воспользуется.

На этом мы и легли в постель, повернувшись друг к другу спиной.

Сон по-прежнему отказывался идти, хотя вот-вот должен был забрезжить рассвет. На душе – мутно и гадко.

Вот можно ли доверять людям, собравшимся в стаю, чтобы терзать одного неугодного им противника?

Я хотела найти им оправдания. Ну, может быть этот

некромант и взаправду тот ещё типчик?

Моя мама всегда говорила, что даже если твой противник негодяй, это не повод становиться негодяем самому.

Она никогда не проповедовала непротивление злу насилем. Бороться нужно, но – достойными, честными методами. Преступник должен быть изолирован от общества и лишён возможности совершать преступления дальше. Но пинать его, плевать в него, а тем более пытаться или мучить любым другим способом – это мелко.

Нападать на противника численным превосходством – тоже мелко.

Меня также не оставляло ощущение, что Эвелин что-то не договаривает.

Она знала о заклинание, поменявших нас телами с Эммой куда больше, чем говорила мне или даже своему отцу.

А возможно у меня после встречи с зомби обострилась паранойя?

ГЛАВА 6. Шантаж

Едва утром перешагнув порог я нос к носу столкнулась с Винтером. Кузен стоял, прислонившись спиной к стене, засунув руки в карманы.

– Что ты тут делаешь? – возмутилась я. – Чего тут стоишь?

В ответ он хмыкнул, не поднимая глаз. Делая вид, что его ну очень интересуют его же идеально налакированные, сверкающие ботинки.

– Стою, где хочу.

– Ты не стоишь, где хочешь... вернее, ты не просто стоишь, где хочешь – ты меня поджидаешь!

– Поджидаю. И что дальше?

– Зачем? – смягчилась я.

Он поднял голову и заглянул мне в глаза:

– Эмма?

– Что?

– Ты действительно совсем ничего не помнишь?

– Какая трогательная забота обо мне, кузен, – приподняла я бровь. – Что именно ты хочешь, чтобы я помнила?

В смеющихся янтарных глазах Винтера было целое море жизнелюбия и столько же азартной злости.

– Вот это!

Почувствовав его руки у себя на талии, я резко повернулась и оказалась с ним лицом к лицу.

Дыхание Винтера щекотало мне щёку.

– Я называл тебя моей богиней, помнишь? – зашептал он жарко.

Я слышала, как медленно и тяжело он дышит.

– В нашу последнюю *настоящую* встречу я говорил, что никуда тебя не отпущу. Никому не отдам. Никогда. В который раз предлагал сбежать? Мы наслаждались друг другом в последний раз.

Его руки больно сжались на моих предплечьях. В жесте чувствовалась угроза.

– Винтер,пусти! Мне больно.

– Больно?

В его глазах засверкала откровенная злость.

– Моя дорогая, ну разве же это боль? Больно – это осознавать, что то, что для тебя вся жизнь для другого лишь забава. Игры молодого зверька, который на тебе оттачивает свои хищные коготки. Вот это больно, да.

От взгляда, которым он одарил меня, у меня едва не подкосились ноги.

– Не смотри так, – взмолилась я.

– А как ты хочешь, чтобы я на тебя смотрел? После того, что ты с нами сделала?

– Что я сделала? Я не помню...

– Как удобно ничего не помнить, ни любви, ни ненависти!

Я стиснула зубы:

– Верить или нет, но всё, что сказал отец – правда. Я

не та Эмма, которую ты знал. Я не та Эмма, что заслужила твою любовь или твою ненависть. Для меня всё с чистого листа. Наше знакомство. Магия. Верховая езда. Сёстры будто незнакомки. Да я лицо родной матери впервые вижу! Так что прости, не до любви мне сейчас. Ну просто совершенно. И если я когда-нибудь для тебя что-нибудь всерьёз значила, Винтер, дай мне время.

– Время – на что?

– На то, чтобы вспомнить прошлое. Чтобы снова стать самой собой. Или окончательно измениться. Привыкнуть. Я не знаю! Сейчас для меня очень важно успеть чему-то научиться, это кажется невыполнимой, непосильной задачей. Как иностранный язык за ночь выучить.

– Но не можешь же ты напрочь забыть всё то, что умела со младенчества?

– Именно это и произошло. Мне нужно вернуть то, что я потеряла. Нельзя выглядеть полной идиоткой, особенно перед нашими врагами. А их, видимо, не мало? Взять хотя бы Блэйда?

Лицо кузена омрачилось, выразив гнев и раздражение:

– Этот гадёныш! Уверен, то, что случилось сегодня ночью его рук дело! Он наверняка, так или иначе, причастен к этому! Да я его в порошок сотру!

– Эвелин описала мне в общих чертах суть нашего конфликта. Вы нажили себе непримиримого врага, которому больше нечего терять.

– И что ты предлагаешь?

– Зарыть топор войны?

Винтер окинул меня презрительным взглядом:

– Ты действительно очень изменилась. Моя Эмма никогда бы такого не сказала.

– Большой вопрос, была ли твоя Эмма твоей, – не осталась я в долгу, огрызнувшись.

Появление Эльзы заставило нас отвлечься от перепалки и пойти на завтрак.

Как ни странно, о вчерашних ночных событиях за столом не было сказано ни слова. Беседа вилась вокруг организации будущей помолвки. Они называли это Летним Балом.

Принимая в расчёт все обстоятельства – рискованное предприятие. Я могла опозориться на каждом шагу. А так не хотелось оказаться тёмным пятном на безупречном фоне Дарков!

Я прилагала все усилия, чтобы этого не произошло. Но нет никакой гарантии, что в какой-то момент я не оступлюсь. Каждый шаг вперёд в этом мире как по тонкому льду.

Терпеть не могу торжества. Вот такой я неправильный зверёк. Нет, еще терпимо, если удастся затаиться где-то в уголке и с интересом наблюдать за происходящим. Но быть в центре внимания я не любила, даже будучи Алиной Орловой.

Кузен, слава богу, скоро уехал. Я была этому рада. Некогда вздыхать о его прекрасных глазах. Без того дел полно.

Все трудились, чтобы придать блистательному замку ещё более внушительный вид. Присесть не удавалось ни на минуту. Но это и к лучшему. Когда одеревенеешь от усталости, становится не до приступов паники.

Как ни странно, при уборке не применялось никакой магии. Насколько я успела разобраться, понятия «бытовая магия» в этом мире не существовало. Не было ни летающих мётел, ни самоумывающихся сковородок, не самостирающихся занавесок – всё ручками, ручками.

Магия использовалась лишь в боевых целях. Или в целях самозащиты. Или ещё для чего-то – чего я пока не разобрала, но цели были грандиозные. Эдакая атомная бомба, пусть полежит до чёрного дня, а то мало ли что?

Нужно ли говорить, что меня такой подход более, чем устраивал? Пусть лежит хоть до самого Судного Дня! Если в этом мире такой, конечно, запланирован.

А так новая вселенная ничем особенным не отличалась от того, что я знала. Если не считать антуража 19 столетия да ночного нападения зомби. Ни вампиров, ни эльфов, ни драконов. Ни прочей нечисти. Тишь да гладь.

Утро обычно начиналось с того, что сквозь синие занавеси золотистым потоком струилось солнце. Стоило распахнуть створки как в комнату врвался запах цветов и мокрой земли.

А ещё – тишина, которую мы, люди с Земли 21 века, не знали.

Здесь не летали самолёты, не шуршала шинами бесконечная вереница машин, не пищали плоскими мелодиями сотовые. Пока варишься в этой каше, не понимаешь, как всё это засоряет пространство. Какой он шумный – наш мир.

А тут можно спокойно прогуливаться по аллее, не боясь, что сзади подкрадётся автомобиль и переедет тебя пополам. Или что лихач, любящий играть в шашечки, не справится с управлением и – тоже переедет тебя пополам.

Но где плюс там и минус. Здесь не было современной обширной базы данных, что всегда под рукой – интернета. За любой малостью приходилось топать в библиотеку и лазить там по лестницам между огромными стеллажами.

А если учесть, что не у всех семей были библиотеки?

Кстати, погорячилась я, отрицая наличие бытовой магии. Тут вместо сотовых телефонов и привычных нам компьютеров использовали забавное устройство. Все дружно вспомнили про наливное яблочко, катающееся по тарелочке из русских народных сказок.

Вспомнили? Вот, почти самое оно и было.

Нечто вроде серебряного блюда с зеркальным дном. По нему катилось нечто, напоминающее подвижную ртуть (здравствуй, Омут памяти – привет Хогвартсу), издавая неприятный, тонкий звук.

Как только на вызов отвечали, зеркальное дно, словно экран монитора, начинало транслировать говорившего по ту сторону. Когда связь обрывалось, вы снова видели в отраже-

нии собственное лицо.

Когда я прочитала про то, как тут перемещались на большие расстояния при помощи телепортов, меня начали терзать смутные сомнения. Или озарения по поводу моего прихода в этот мир.

Короче, перемещались тут при помощи зеркал.

Устройство чем-то напоминало адронный коллайдер – большая, круглая капсула, мерцающая в полумраке, а внутри – зеркала.

Тоже в полумраке. Мерцающие.

Этот жуткий агрегат располагался в не менее жутком подвале.

Пока мы мимо проходили, оттуда доносились разные жуткие звуки. Может быть насчёт упырей и драконов я тоже поспешила с выводами?

Судя по тому, какой тщательной проверке подвергся аппарат переноса (или телепортации?), часть гостей должна была прибыть в замок именно этим путём. Об этом же говорили и дорожные ковры, расстеленные по сбегаящим вниз ступенькам и надраенные до зеркального блеска светильники.

Но прибытие большей части приглашенных на празднество должно было состояться обычным путём – то есть гости ехали в каретах.

Утро выдалось ослепительное. Яркое солнце блистало на лазури.

Горничные внесли в комнату картонные коробки с нарядами. Розовое платье из органди с ярко-красным поясом. Настоящей Эмме, в теле которой я застряла, не приходилось стесняться своей шеи, плеч и рук. И платье щедро всё это выставляло напоказ.

Когда мы с Эвелин и Эльзой вышли встречать гостей, на полукруглой и широкой подъездной аллее было тесно от экипажей и верховых лошадей. Слуги не успевали уводить их в конюшню, чтобы выпрячь и расседлать.

Холл постепенно заполнялся всё пребывающими и прибывающими людьми. От такого количества народа у меня начало рябить в глазах.

Адриан стоял на вершине лестницы, по-хозяйски приветствуя вновь прибывших. Он прямо-таки излучал показное радушие.

Тут же сновали лакеи, разнося подносы с прохладительными напитками.

Эвелин подтолкнула меня к отцу, взглядом веля разделить ответственность и выполнить долг старшей дочери, виновницы торжества.

Дамы приветствовали Эмму (и меня за одно), охали-ахали, восхищаясь платьем, чудесным днём, домом. Всем, чем только могли. Потом отходили в сторону, смеясь и болтая.

В воздухе стоял гомон голосов.

Солнце вскоре начало печь мне голову, обжигая кожу, так что я была только рада, когда Эльза, подхватив меня под ру-

ку, увлекла в сторону.

– Что-то не так? Куда ты меня ведёшь?

– Хоть и с опозданием, но прибыл жених, – недовольно поджала губы блондиночка. – Мама уже начала нервничать. Это же просто из ряда вон! Все гости в сборе, а жениха нет. Не понимаю, Эмма, как ты можешь так спокойно это переносить?

– Да я просто была не в курсе, что пора начинать нервничать.

– Хуже опоздавшего на помолвку жениха только жених, не явившийся на свадьбу, – закатила глаза Эльза.

– Даже не знаю, расстроилась ли бы я в этом случае? – вздохнула я.

– Тебя сейчас расстроят в любом случае. Исидор выдвинул какие-то требования. Мама в полуобморочном состоянии.

– Что?

– Иди уже! – хлопнула Эльза мне по руке сложенным веером. – Удачи тебе.

Несколько обескураженная таким напутствием я, опустив дверную ручку до основания, толкнула дверь и вошла в кабинет.

Единственное, что нарушало напряжённую тишину в кабине, царившую до моего появления, было потрескивание огня в камине. Сам факт того, что кто-то развёл огонь в такой тёплый день показался мне странным – в распахнутые

окна щедро вливалось солнце.

Несмотря на это атмосфера в комнате было прохладной.

Леди Диана сидела за столом. Напротив – двое мужчин. Один моложе, второй, соответственно, старше. Отец и сын.

Взрослый джентльмен при виде меня поднялся и, сделав несколько шагов вперёд, протянув ко мне руки:

– Мисс Дарк, вы, как всегда, само очарование.

И, к моему удивлению, этот совершенно незнакомый человек по-отечески поцеловал меня в лоб.

Хотя это мне он незнаком. Эмма-то наверняка его знала.

– Эмма, дорогая, как выяснилось, возникли разногласия, – раздался сухой, прохладный голос леди Дианы, – Мы оставляем вас с Исидором наедине. Надеюсь, ты сумеешь всё уладить?

– Какие разногласия? – переводила я взгляд с лица матери Эммы на лицо отца жениха. – Я думала, всё уже улажено?

Взгляд леди Дианы словно говорил мне: «Не натвори, пожалуйста, глупостей».

Знать бы наверняка как их не натворить?

Я взглянула на самого жениха.

Исидор Гордон был высок и строен. В поклоне, что он мне отвесил, презрение гармонично сочеталось со снисхождением. Манеры, движения отличались изысканной небрежностью. Бросались в глаза красивые вьющиеся волосы каштанового оттенка, собранные назад и перетянутые широкой муаровой лентой.

Наряд же и вовсе меня, привыкшую к лаконичным тусклым костюмам, что носили наши мужчины, удивил. Розовый с золотом парчовый костюм. Туфли с красными каблуками – просто мужские лабутены. Воротник, украшенный несколькими слоями кружев. Не всякая рождественская елка так сверкает.

– Присядем?

Предложили мне, как только дверь за нашими родителями закрылась.

В голосе молодого человека слышалась насмешка.

Я напомнила себе, что я вовсе не затюканная Алинка из провинциальной глубинки, я – блистательная Эмма Дарк, богатая наследница, популярная личность, леди и прочее, прочее, прочее.

Выпрямила спину и царственно (по крайней мере в моём представлении) присела на краешек стула.

Боюсь, в действительности я выглядела так, будто аршин проглотила. Что такое аршин, представлю смутно, но зато выражение верное.

Я даже не сделала попытки выдавить из себя улыбку. Глядела на жениха строго и недовольно.

А с чего быть довольной? Замуж я за него не хочу. Он опоздал. Да ещё и разногласия какие-то надумал.

– Прежде всего позвольте сказать, что счастлив засвидетельствовать вам моё почтение, мисс Дарк.

Что на это ответить? Счастлива принять засвидетельство-

ванное вами почтение, мистер Гордон?

– Вы, наверное, удивлены, что я решил это сделать тет-а-тет?

– Удивлена, – не стала отпираться я.

– Ну будем ходить вокруг да около. Разговор у нас с вами будет неприятным.

– Это я уже поняла.

– Видите ли, сударыня, я в курсе вашего поведения, не выдерживающего никакой критики.

Пришёл мой черёд хмуриться:

– О чём вы?

– О ваших многочисленных связях. Не отпирайтесь. Ваши любовники не делают из этого тайны. И я нахожу весьма грубой меру, что избрали ваши родственники, чтобы уйти от ответственности за ваше предосудительное поведение. Но примем как данность: вы потеряли память.

– Но я действительно её потеряла!

Он поднял руку в предостерегающем жесте.

А я с трудом подавила желание втянуть голову в плечи, убеждая себя в том, что лично ко мне его тон и замораживающие взгляды не имеют никакого отношения. Всё это заслужила Эмма.

– Опустим это, – продолжил Исидор. – У меня нет желания спорить. Для того, чтобы сократить время нашей беседы, сразу перейду к делу. Если вы не желаете, Эмма, чтобы я же сегодня разорвал помолвку ещё до её объявления, вам

придётся забрать ваше заявление из Министерства, написанное на имя Рета Блэйда.

Я в немом изумлении не сводила с Исидора взгляда.

Довольно неожиданный поворот.

– Какое вам дело до этого человека? – выдавила я из себя, как только поняла, что смогу говорить.

– Так случилось, что я кое-чем ему обязан. Долг, как известен, платежом красен. К тому же я рад оказать талантливому малому услугу. Или, если не получится, отделаться от нелюбимой невесты под благовидным предлогом. Для вас новость, что не все в столь дивном восторге от вас, как вы привыкли думать, мисс Дарк?

– То есть вы хотите, чтобы я прямо сейчас занялась делами мистера Блэйда? Я правильно вас понимаю?

Утвердительный кивок:

– Именно так.

– А если я этого не сделаю, вы меня бросите?

– С превеликой радостью, – с улыбкой очаровательного садиста протянул мой наречённый.

Я выдержала паузу, в течении которой пыталась собраться с мыслями.

– Ваш отец в курсе ваших намерений?

– Не во всех нюансах, но в общих чертах, да.

– Просто блеск!

– Так каков будет ваш ответ, Эмма Дарк?

– Что вы хотите, чтобы я сделала ради чести называться

вашей невестой?

– Вы должны обелить имя человека, которого оклеветали.

– И как, по-вашему, я могу сейчас это сделать?

– Вы подпишите бумагу. Я специально её приготовил.

Позже передам их кому следует. Рета восстановят в Университете.

– Полагаете, история на этом завершится? А как же моя честь? Об этом вы подумали?

– Об этом думать нужно было вам. Раньше.

– Разве имена мужа и жены не связаны?

– Пока мы ещё не женаты – нет.

Обрывки мыслей так и вертелись в голове.

Вот лично мне эта помолвка была нужна как рыбе зонтик. Буду только рада избавиться от этого надутого индюка на красных каблуках, видимо, вообразившего, что припёр меня к стенке. Без него я могла бы спокойно развивать отношения с прекрасным кузенком. Без него я могла начать готовиться к отъезду в Институт, не забивая голову предсвадебной праздничной волокитой. Без него я могла бы приступить к поискам способа вернуться домой.

Но без него не получалось. Вот он, стоит. Парчой и глазами победно сверкает.

Интуиция, да и простой здравый смысл подсказывали, что леди Диана и мистер Адриан вовсе не порадуются скандалу, который неминуемо разразится вслед за моим отказом выполнить требования противного Исидора, выставленные в

ультимативной форме.

– Что будет, если я скажу сейчас нет? – на всякий случай уточнила я.

– Я выйду отсюда и скажу, что не готов связать себя с калевой, утратившей магический дар вслед за своим целомудрием. – Исидор недобро улыбнулся. – Но пообещаю передумать, если медикусы подтвердят наличие у вас девственной плевы.

– Это уж слишком! Вы не посмеете! – возмутилась я, с тоской вспоминая о нашем милом добром времени, где у человека есть личное пространство.

И в это пространство никто без его разрешения войти не смеет.

– Испытайте меня? – продолжая всё так же паскудно улыбаться, молвил Исидор.

Вот чудесно. Вот просто чудесно! И что прикажите делать?

Я мысленно представила себе весы.

На одну чашу положила огромное облегчение от возможности никогда больше не увидеть этого сверкающего самоуверенного аристократа. На другую лёг позор разорванной помолвки, опороченное имя.

И ещё, что немаловажно, разбитая судьба человека, пострадавшего по моей вине.

Чёрт! Нет! При чём здесь я? Пострадавшего по вине Эммы! Или я схожу с ума, что начинаю ассоциировать себя с

этой невозможной особой?

Родня тут поёт ей дифирамбы, а по мне, так она вовсе не большого ума, раз без разбору спала с парнями, когда тут такая строгая пьянка. Ну, в смысле – нравы.

Может быть женишок блефует?

Жаль, что-то не похоже. Он и в самом деле с превеликим наслаждением ткнём меня мосей в эту кучу дерьма.

Чаша с позором и покаянием за чужие грехе поползла вниз, перевешивая радость избавления.

– Могу я взглянуть на бумаги? – холодно спросила я, протягивая руку.

Исидор с победной улыбкой достал их из внутреннего кармана камзола.

Тонкий папирус благоухал дорогим парфюмом. Щедро же павлин полился одеколоном, раз даже внутренние карманы им пропахли?

Развернув свиток, я пробежалась взглядом по ровным, изящно выписанным строчкам:

«Я, Эмма Дарк, от рода Дарков, восходящем к Первым Драконам и Первым Магам, полновластная госпожа земель Рэйдан, Россовьер, Диких лесов и Синих Озер, Маг II степени стихии Огня, повелительница Молний, способная взывать к мёртвым, хочу принести покаяния за ложные показания, данные мной 3 числа предыдущего месяца против Рета Блэйда, студента 3 курса Некромонтологии.

Согласно этим показаниям Рет Блэйд якобы покушался

на мою честь, в результате чего между ним и моим кузеном, Винтером Дарком, произошёл поединок, запрещённый законом.

Со всей ответственностью заявляю, что 3 числа предыдущего месяца по моему наущению на Рета Блэйда было совершено нападение, в котором участвовала я сама, мои родственники и наши друзья.

В результате наших агрессивных действий Рет Блэйд вынужден был обороняться и нанёс нам значительные повреждения.

Вероломного нападения, в котором я обвиняла его, он никогда не совершал. Все его действия были оборонительными.

В связи со всем вышеизложенным прошу снять наложенные на Рета Блэйда санкции, а также восстановить его на обучение в Институте.

Эмма Дарк».

Что ж? С виду вроде ничего страшного и провокационного. Никаких порочащих честное имя Дарков уточнений. К тому же мне импонировала мысль о том, что человек, несправедливо нами обиженный, будет обелён.

Совершенно того же результата Исидор мог бы от меня добиться, не прибегая к конфронтации.

«С тобой – да, – шепнул внутренний голос. – Но договаривается-то он с Эммой».

– Я должна это подписать?

Он кивнул.

– Просто подписать – и всё?

Окунув тонко отточенное перо в чернильницу, я оставила внизу бумаги широкий, незнакомый мне самой росчерк – подпись Эммы Дарк, которое тело, обладающее своей памятью, оставило почти без участия сознания Алины Орловой.

Скрутив папирус, протянула его Исидору:

– Возьмите.

Победно сверкнув глазами, он принял его у меня из рук.

– Вот и умница, – насмешливо улыбнулся он.

– Сегодня вы выиграли, – со всей надменностью, которую только смогла из себя выдавить, процедила я. – Но не заигрывайтесь. Не забывайте, Дарков не просто так называют опасными врагами.

– Не пугайте меня. Гордоны тоже не из легких противников. Идёмте к гостям, дорогая невестушка. Гости, должно быть, нас уже заждались.

Сверкнув улыбкой, жених распахнул предо мною дверь.

Проигнорировав протянутую мне руку, я вышла из комнаты.

ГЛАВА 7. Помолвка

Я уже говорила, что не люблю праздничную суету? Ну так это ещё с условием, что ничего подобного приёму, данному Дарками в честь помолвки Эммы, в жизни маленькой Алины Орловой никогда не случилось.

По такому поводу люди здесь собрались самые разные как по возрасту, так и по характеру. Общество разбилось по кружкам и интересам, каждый вокруг избранного им лидера. Мужчины блистали остроумие, подлинным или мнимым. Женщины – белизной плеч, глянцем волос и бриллиантами.

Рука об руку с Исидором мы проследовали к столу. За нами чинными парами вышагивали гости, следуя на званный обед.

Стол был заставлен закусками, фруктами, дичью, хрусталём и цветами. Всё вокруг источало великолепие.

Лакеи суетились. Стулья гремели. На хорах играла музыка.

После обеда все прогуливались по округе, наблюдая местные красоты, хотя (рискну предположить) большинству присутствующим они были известны с детства. Потом разошлись по комнатам в надежде заснуть на пару часов.

Бал должен был затянуться допоздна, следовало экономить силы.

На прислугу сиеста, естественно, не распространялось.

Бедные люди выбивались из сил, стремясь успеть всё и сразу. Их усилия никто не замечал, как будто то были не люди, а домашние эльфы. Вот если кому-то случалось сделать промашку, это замечалось всеми и сразу.

А мы ещё считаем каторжным труд в 21 веке? Наблюдая за простым человеком в новом мире, я легко могла представить, какого приходилось моим прабабушкам и прадедушкам, которые вовсе не в графских хоромы родились.

Комнаты и холлы быстро пустели. Слуги закрывали ставни в спальнях, и вскоре в комнатах воцарился тёплый убаюкивающий полумрак. Какое-то время ещё можно было слышать смех и шёпот, но вскоре голоса сменились звуком равномерного дыхания.

Где-то внизу прислуга носила мебель, судя по лёгкому постукиванию.

В спальне сестёр Дарк из-за опущенных жалюзи тоже царил полумрак. Весь дом был погружён в сладкую дремоту.

Матрас скрипнул под рыжей, когда она перевернулась с одного бока на другой.

На меня уставились два любопытных глаза. Впрочем, через любопытство проглядывала тревога:

– О чём вы говорили с Исидором? Что за разногласия тебе пришлось улаживать?

Моя интуиция бодренько заявила, что сейчас у меня с сестрой Эммы начнутся барьеры во взаимопонимании.

Вообще-то удивляться вопросу Эвелин не приходилось.

Странно то, что до сих пор никто из её родителей не спросил об этом.

– Благородный жених потыкал меня носом в отсутствие утраченной твоей сестрой девственности, а дальше с постной миной заявил, что перестанет жениться. Да ещё вдобавок и грязью перед всем собравшимся светом обещал полить.

Эльза, до этого момента исправно сопевшая, изображая сон праведный, тоже повернулась к нам лицом:

– Но всё ведь обошлось? – взволнованно спросила она, кусая губы.

– Не знаю, обошлось ли. Но мне пришлось согласиться и выполнить его требования.

Брови Эвелин сошлись на переносице:

– Что ты сделала?

– Отреклась от показаний Эммы, сделанных против Рета Блэйда.

– Что?! – хором возопили обе сестрички, подскакивая на своих кроватках как в попу укушенные.

Так резво, что аж страшно стало.

Может быть я и впрямь фатально ошиблась?

– Что ты сделала? – для пущей важности ещё раз прошипела Эвелин.

С такой интонацией могла бы говорить змея, научить она это делать на человеческом языке.

– Я подписала документ, утверждающий, что нарочно ого-

ворила своего однокурсника. И не стоит сверкать на меня глазами. Альтернативой была сорванная помолвка и скандал.

Сестры переглянулись.

– Эвелин, она же просто не понимает... – покачала головой Эльза.

– Чего ещё я не понимаю? – устало вздохнула я, поудобнее устраиваясь на подушках в предвкушении долгих объяснений.

– Блэйда восстановят в Институте, – удручённо сообщила рыжая.

– Ну, восстановят. И что? Пусть себе учится.

– Он не будет просто учиться дальше, Эмма! – тряхнула светлыми кудряшками Эльза, явно сетуя на моё нежелание понимать всю серьёзность ситуации. – Блэйд станет мстить. И я сильно сомневаюсь, что обойдётся обычными школьными пакостями. На этот раз мы задели его за живое. Он в долгу не останется.

Переведя взгляд с одного расстроенного лица на другое, я тоже пригорюнилась. Но всё равно сделала попытку смотреть на жизнь позитивнее.

– Может быть, всё не так уж и плохо? Возможно, Блэйд не рискнёт вновь оказаться на грани исключения? Тем более что второй раз его вряд ли вновь восстановят. Ну, а если уж на то пошло, его и в первый-то раз никто пока не восстанавливал. В любом случае поставьте себя на моё место. Что бы

вы сами-то сделали?

– Гордон блефовал. Он не посмел бы бросить тебя, – сузила глаза Эвелин.

– Ты в этом уверена? – возразила ей Эльза.

Судя по паузе, особенной уверенности по этому поводу никто не испытывал.

– Не знаю, выполнил бы Гордон свою угрозу или нет, но что ты, Алина, будешь делать, столкнувшись нос к носу с Блэйдом? Он и настоящую-то Эмму мог положить на обе лопатки. А что с тобой сделает? Поверь, запущенный к тебе ночью зомби это так, даже не разминка.

– В любом случае о неприятностях следует думать по мере их поступления, – подытожила я нашу небольшую перепалку, отворачиваясь от сестёр.

Станный холод сковывал душу. Было ли то страхом или тоской я пока не разобрала. Но как в том анекдоте, я слышала про этого Рета Блэйда столько плохого, что мне стало ужасно интересно с ним познакомиться.

К моему удивлению, наша встреча состоялась в тот же вечер.

Бал начался в девять.

Весь дом был ярко освещён. Множество восковых свечей горело в канделябрах. Светились искусственным светом и магические сферы. Паркет отражал все эти созвездия, создавая впечатления простора ночного неба.

Вечерние туалеты дам были не просто открытые, а пре-

дельно-откровенные.

– Позвольте вашу руку, – холодно прозвучал голос нашего с Эммой жениха и пришлось «позволить».

Мы, как виновники торжества, открывали первый тур вальса.

Хотя последнюю неделю я вальсировала достаточно много, усиленно занимаясь с учителями танцев, всё равно волновалась. Получится ли не ударить в грязь лицом?

Я почувствовала ледяной столб в позвоночнике, когда зажатая в белую перчатку рука Исидора коснулась талии.

– Вы непривычно молчаливы, – нарушил он молчание. – С вами всё хорошо?

– Всё отлично, – заверила я его.

И снова замолчала.

Исидор вежливо усмехнулся.

Я с тоской ждала окончания вальса, чтобы упорхнуть от моего наречённого. Он был в высшей степени безупречен, но наводил на меня тоску.

Всё смотрел на меня. Словно ждал чего-то? Интересно, чего?

Пара за парой проносилась мимо. С улыбками, смехом, обрывками разговоров. Запах цветочных духов душной волной струился в воздухе.

– Вас утомляет моё общество? – ровным тоном произнёс Исидор.

– О, да, – не стала отрицать очевидного я.

– Вы так любезны.

– После той отвратительной сцены, что вы устроили днём в кабинете всерьёз рассчитываете на мою любезность?

– Вы видели вашего красавца-кузена? – словно не слышал меня, проговорила жених. – Он в боевой готовности. Успел умыкнуть какую-то хорошенькую девицу в сад.

– Зачем вы мне это говорите?

Он округлил глаза:

– Да просто так. Нужно же поддержать беседу? А, вот и наш друг, из-за которого утром у нас возникли разногласия. Пойдёмте, поприветствуем его.

Наконец-то я увидела загадочного мистера, о котором в последнюю неделю мне прожужжали все уши.

Я с любопытством разглядывала этого монстра, отца ужасов, породившего мой недавний ночной кошмар с зомби.

Ну, что сказать? Наверное, я извращенка, но он мне понравился.

На фоне сверкающих мужских нарядов а-ля 18 век его лаконичный костюм смотрелся стильно. Восточного колорита длинный кафтан, опоясанный чёрным кушаком. В разрезе видна такая же тёмная, но из более лёгкого материала, туника.

Рет Блэйд выделялся из толпы и, как мне кажется, в лучшую сторону.

Лицо его не поражало красотой как лицо кузена Винтера. В нём не было и аристократической спеси Исидора Гордона.

Зато в неправильных, угловатых чертах отражались кипучая энергия и ум.

Сами черты лица не отличались правильностью. Резкие, даже заострённые. Птичий профиль – длинный острый нос, высокие скулы, большой тонкогубый рот, запавшие щёки. Бледная кожа.

Прямые, черные, как у индейца, волосы, забранные в хвост. На лбу они выступали острым вдовьим треугольником, обещая в более зрелые годы превратиться в залысины, ещё сильнее открыв широкий, узловатый, как у льва, лоб.

По-настоящему хороши были глаза. Бархатисто-карие, в длинных, густых, изгибающихся ресницах, они мечтательно следили за кружащимися в вальсе парами.

Но стоило молодому человеку заметить нас, как выражение его лица переменилось. Чёрные брови нахмурились. Между ними пролегла глубокая складка. В глазах вспыхнул насмешливый, зловещий огонь.

Исидор и этот Блэйд обменялись приветственными поклонами.

– Вот ты где?

Голос навязанного мне жениха звучал подчёркнуто радостно.

– Вижу, ты уже приобрёл дурную привычку наблюдать за людьми исподтишка?

Блэйд перевёл на меня немигающий, тяжёлый взгляд.

– Разве эта привычка отвратительная? Знавал я и поху-

же, – медленно произнёс он.

– Не сомневаюсь, – презрительно фыркнул жених. – Полагаю, тебе следует поблагодарить мою невесту, Рет? Эмма оказалась сегодня настолько любезна, чтобы согласилась подписать одно известное тебе, маленькое письмо.

– Благодарю, сударыня. Вот только боюсь, что не сумею отплатить любезностью за любезность.

– И не нужно, – вздёрнула я подбородок в той высокомерной манере, которую представляла себе у настоящей Эммы.

При звуках моего голоса Рета Блэйда аж передёрнуло. Под его презрительным взглядом у меня возникло чувство, будто я замерзаю.

Повисла пауза. И она грозила затянуться.

Я, откровенно говоря, не понимала, почему мы медлим, почему не уходим? Меня переполняло желание вызволить руку из руки Исидора Гордона и убраться отсюда как можно дальше.

Но это, как я понимаю, невежливо? Неприемлемое поведение в приличном обществе?

Наконец застывший столбом Исидор шевельнулся:

– Сейчас закончится музыка, и начнётся игра в шарады.

– А разве она ещё не началась? – усмехнулся наш собеседник, откланиваясь. – Ещё увидимся, господа.

Когда он отошёл, сразу стало легче дышать.

Всё когда-нибудь заканчивается, даже пышный бал, устроенный в честь нежеланной помолвки.

Гости разъехались далеко за полночь. И хорошо ещё, что разъехались. На какой-то ужасный момент показалось, что они останутся ночевать, а завтра с утра вся эта пытка танцами и этикетом повторится снова.

Эх! Не быть мне светской львицей. Не моё это. Скучно. Неинтересно. Утомительно.

Вялые от усталости горничные помогали освобождаться от пышных нарядов и сложной причёски, а у меня с такой силой слипались глаза, что я с трудом держала их открытыми.

Чего я меньше всего ожидала, так это позднего визита леди Дианы.

– Оставьте нас! – холодно бросила она служанкам.

Те поспешно удалились.

Когда мать Эммы со всего размаха отвесила мне оплеуху, я, не удержавшись, вскрикнула, хватаясь рукой за вспыхнувшую огнём щёку.

Не успела я прийти в себя, оглушённая наполовину неожиданностью, наполовину болью, как леди Диана, словно коршун вмышь, вцепилась мне в волосы.

– Ах ты шлюха!

Она не кричала. Она тихо рычала, как раненный зверь:

– Как ты посмела опозорить нашу семью? Как ты посмела вести себя, как распутная девка-простолюдинка? Как, я тебя спрашиваю?!

Я попыталась отнять её руки от моей головы, но леди Ди-

ана вцепилась мне в волосы мертвой хваткой, не оторвать.

– Молчи! Не смей ничего говорить! Думала, тебе всё сойдёт с рук?! Сойдёт с рук такое поведение?! А когда поняла, что придётся отвечать за последствия, выдумала дурацкую историю с перемещениями?!

Голову она надрала мне до такой степени, что казалось, что с меня сняли скальп.

Против воли из глаз потекли слёзы. И больно было. И обидно.

Гуляла-то Эмма, а кудри расчесали мне?

– Как ты посмела связаться с этим вырожденком Блэйдом?! Как посмела устроить это дешёвое представление?! Ты опозорила всю семью! Нашу честь! Нашу репутацию! Да ещё втянула в это дело сестёр! И даже кузена!

– Довольно! – прогремел над нами голос Адриана.

Меня, наконец, отпустили.

В носу щипало от слёз, кожа на голове горела, от обиды и вовсе хотелось рыдать в голос.

– Вы сошли с ума? – холодно бросил хозяин дома своей супруге. – Что вы себе позволяете?

– Ты знаешь, что натворила твоя дочь, Адриан?

– Эта девочка и так отвечает за последствия поведения нашей дочери. За которым, вам, сударыня, следовало лучше следить. Вы слишком потакали своему первенцу. Слишком много позволяли ей.

– Она...

– Мать ответственная за поведение дочерей. Может быть мне тоже устроить вам хорошую трёпку на ночь глядя за всё, с чем мы имеем дело по вине нашей старшей дочери?

Леди Диана сникла, отступая.

– А вам, дитя, прежде чем принимать предложения Исидора нужно было посоветоваться. Писать письмо с признаниями было большой ошибкой.

– Но Исидор Гордон грозился предать всё огласке...

– Это был не Исидор Гордон! – повысил голос отец Эммы. Мы обе с удивлением воззрились на него.

– Не Исидор?.. Но кто?.. Но как?..

– Вы новичок в нашем мире. Здесь можно на время сменить личину. Если знать – как. Настоящий Исидор и его отец только что выбрались из лап каких-то тёмных личностей, о чём незамедлительно сообщили и были весьма удивлены, узнав, что помолвка состоялась в их отсутствие.

Мы обе с леди Дианой опустили на кровать, устало потирая виски.

– И что теперь?

– Я с детства знаю Гордонов. Никто из них не повёл бы себя с дамой подобным образом. Это исключительно порядочные люди. Если бы хоть одна из вас вовремя уведомила меня о происходящем... особенны вы, сударыня, – повернулся он к жене. – Но теперь Эмма станет известна, как взбалмошная особа, способная лжесвидетельствовать. И хотя это истинная правда, и моя настоящая дочь именно так и поступила, я бы

предпочёл не обнародовать этот факт. Ну а теперь? – повернулся он ко мне. – Теперь придётся смириться и терпеть. Какое-то время, – добавил он.

А после паузы добавил.

– А также готовить вас к тому, что в Институте вам снова придётся столкнуться с этим молодым человеком.

ГЛАВА 8. Магический Институт

Как правильно написал однажды Маршак – время растяжимо. Оно действительно зависит от того, чем заполнишь часы и минуты. Иногда течёт, пустое и быстрое, и тебя качает на днях, словно на волнах. Событий так мало, что недели превращаются в неразличимых близнецов. Потом пытаешься вспомнить тот отрезок из прошлого и тонешь в бессмысленности существования.

А порой в час умещается столько, что остаётся только удивляться как можно так многое уместить в столь малом?

За три недели, что разделяли помолвку и мой отъезд в Магический Институт словно пролетел год, столько всего пришлось усвоить и столькому научиться.

На следующий день же день после бала мистер Адриан пожелал, чтобы я вновь села в седло. Вспомнив пережитый мною на Ромашке ужас, я упиралась с таким упрямством, что любому ослу дала бы фору.

Однако отец Эммы меня переупрямил.

– Ты сядешь на эту лошадь, – тихо цедил он. – Ты сможешь победить свой страх. Должна. Потому что если ты не справишься с таким маленьким препятствием, как же ты одолеешь всё остальное?

Я сдалась.

Так мы снова оказались с Ромашкой вместе.

На сей раз всё прошло как нельзя лучше. Может, всё дело в том, что Адриан страховал меня, пока мы с лошадью трусили вокруг арены? Ромашка была само спокойствие. Я даже получила удовольствие от верховой езды.

На мой вопрос, скоро ли я смогу вернуться обратно в своё тело, мистер Адриан покачал головой:

– У меня нет хороших новостей. Ниточек, способных определить, что за заклятие использовала моя дочь, отыскать не удалось. А это значит, тебе придётся поехать в Институт и продолжить обучение вместо неё.

– Продолжить? Но как? – в отчаянии заломила я руки. – Я же ничего не знаю, ничего не умею. Разве возможно выучить за три жалких недели то, чему Эмма училась целую жизнь?

– Нет, – согласился Адриан со мной. – Но будем пытаться. Выбора-то всё равно нет.

Так я на собственной шкуре узнала, какого это – сражаться с ветряными мельницами. Иногда шансов мало, иногда – катастрофически мало, иногда – один к ста.

А что касается меня, так я уверена, у меня их вообще не было.

Но мы не сдавались, упорно пытаюсь совершить невозможное.

Итак, магия – это энергия. Волевое усилие мага – генератор, что её аккумулирует.

Существует три вида магии:

1)

Белая. Использует энергию живых.

К ней относятся умение исцелять и готовить зелья. Главным принципом работы белых магов является сохранение энергий и добровольное сотрудничество, как с живыми, так и с духами-элементами. Белую магию можно использовать и в бою. Особенно эффективно она действует против созданий Тьмы и заклинаний Тёмных магов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.